РОВЕСНИК

10
1980

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Октябрь, 1980 год, № 10

ОЧЕРКИ, РЕПОРТАЖИ, ИНТЕРВЬЮ О НАУЧНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ СТРАН — ЧЛЕНОВ СЭВ

29 октября день рождения Ленинского комсомола. Этой дате посвящен снимок на первой странице обложки, взятый нами из июньского номера иллюстрированного журнала Германской Демократической Республики «НБИ». В это время в Карл-Маркс-Штадте проходил фестиваль дружбы молодежи СССР и ГДР — одна из многих встреч советской молодежи с молодежью братских социалистических стран.

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 21.08.80. Подп. к печ. 16.09.80. А02714. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 1 150 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 1264.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ДРЕЗДЕН. Дрезденский технический университет — один из крупнейших политехнических вузов Европы, где учатся сегодня 10 тысяч студентов из ГДР и 58 других стран мира. Здесь прошла Неделя солидарности с национально-освободительной борьбой народов Латинской Америки. В ее программе — митинги и встречи, выставки и концерты. Заключительный вечер, на котором выступили ансамбли из многих стран, прошел под лозунгом «Народы Латинской Америки победят!». Также были собраны средства в фонд солидарности с борьбой народов Латинской Америки.

БУДАПЕШТ. Всемирная федерация демократической молодежи сделала заявление о солидарности с молодежью Афганистана, борющейся с бандами, вооруженными США и Китаем. ВФДМ призвала всех своих членов и дружественные организации «оказать поддержку народу и молодежи Афганистана в их борьбе за мир, безопасность, национальную независимость, суверенитет и территориальную целостность, за свободу и демократию».

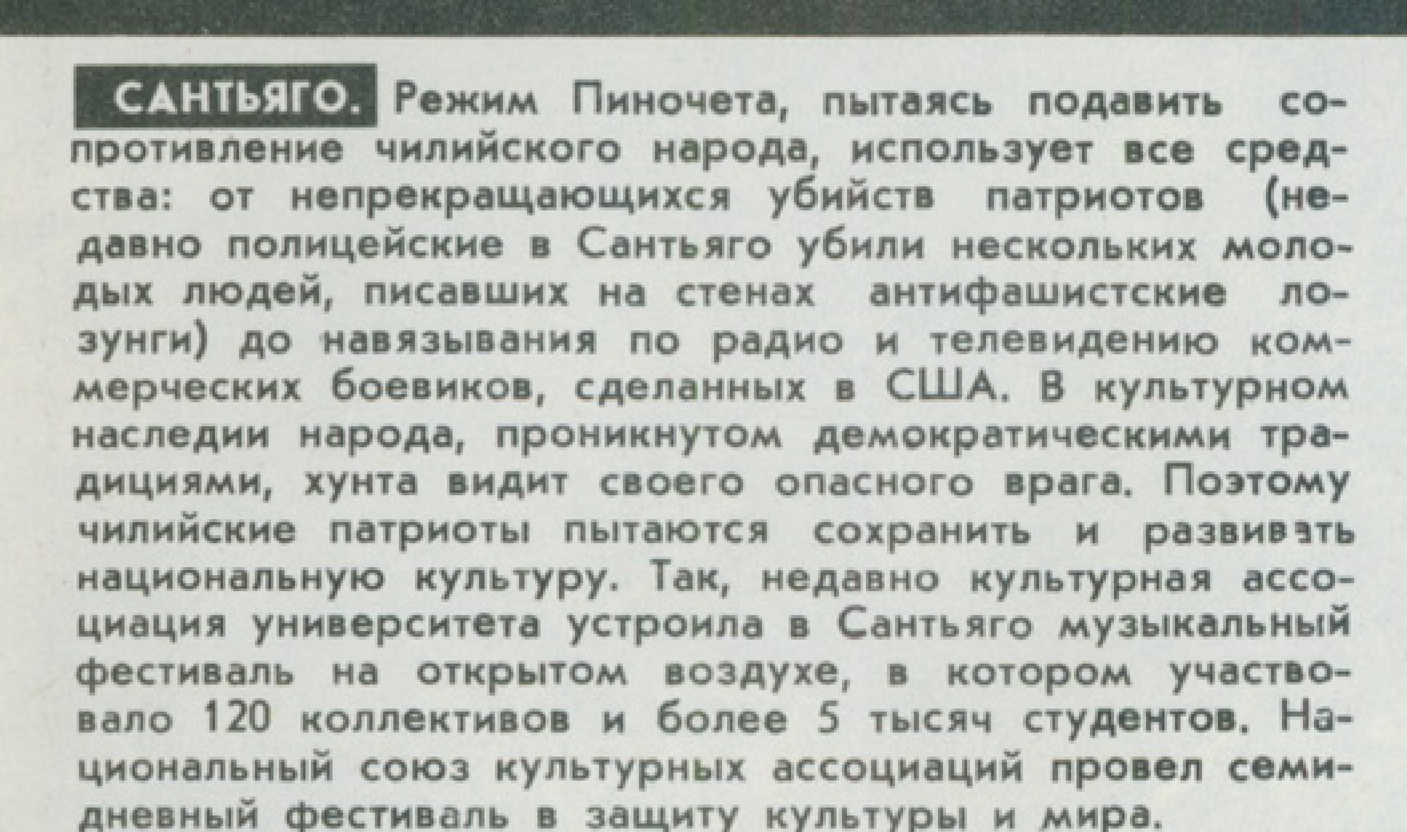
ФАЛУН. В одном из колледжей этого шведского города действует единственное в стране отделение, готовящее специалистов по туризму. Недавно первые его выпускники закончили двухгодичный курс обучения. Однако администрации колледжа не удалось устроить на работу ни одного из молодых специалистов — в Швеции по-прежнему высок уровень безработицы, и прежде всего среди молодежи.

ПРЕТОРИЯ. Школы и вузы Йоганнесбурга, Кейптауна и многих других городов ЮАР охвачены волнениями. Школьники и студенты выступают против апартеида в образовании, требуют увеличения ассигнований на нужды школ, где учатся дети коренного населения страны. Молодежь многих стран выражает поддержку справедливой борьбе своих южноафриканских сверстников. В Лондоне и других городах Западной Европы перед зданиями посольства ЮАР прошли демонстрации, требующие отмены апартеида — позора XX века.

На снимке: «Нет апартеиду!» — написано на плакате участницы демонстрации в Лондоне.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

САНТЬЯГО. Режим Пиночета, пытаясь подавить сопротивление чилийского народа, использует все средства: от непрекращающихся убийств патриотов (недавно полицейские в Сантьяго убили нескольких молодых людей, писавших на стенах антифашистские лозунги) до навязывания по радио и телевидению коммерческих боевиков, сделанных в США. В культурном наследии народа, проникнутом демократическими традициями, хунта видит своего опасного врага. Поэтому чилийские патриоты пытаются сохранить и развивать национальную культуру. Так, недавно культурная ассоциация университета устроила в Сантьяго музыкальный фестиваль на открытом воздухе, в котором участвовало 120 коллективов и более 5 тысяч студентов. Национальный союз культурных ассоциаций провел семидневный фестиваль в защиту культуры и мира.

УЛАН-БАТОР. В Монголии успешно осуществляется дальнейшее развитие средств массовой информации. В опубликованных недавно статистических сводках сообщается, что в МНР выходит 40 газет и 29 журналов, в среднем каждая семья выписывает пять периодических изданий. В республике работают более 1100 библиотек и читальных залов, фонды которых превышают восемь миллионов томов. В год здесь выпускается около 600 названий книг общим тиражом в шесть миллионов экземпляров.

ВАШИНГТОН. Империалистическая политика правящих кругов США вызывает все большее возмущение молодых американцев. В Вашингтоне состоялась демонстрация, участники которой съехались со всей страны, чтобы выразить свою солидарность с арабским народом Палестины, борющимся за национальную независимость. Демонстранты осудили кэмп-дэвидский сговор, цель которого обеспечить долговременные интересы США и Израиля на Ближнем Востоке, внести раскол в ряды арабских стран. «Кэмп-Дэвид — предательство интересов народа Палестины!» — под таким лозунгом прошла эта демонстрация.

На снимке: участники демонстрации перед Белым домом.

ИСЛАМАБАД. Всего три процента национального бюджета Пакистана выделяется на нужды образования, пишет в редакционной статье газета «Пакистан таймс». В результате школу посещают меньше половины детей школьного возраста. В крупнейшей провинции страны Пенджабе из 33 тысяч школ только 30 имеют постоянные помещения. «Если мы не хотим, чтобы наши дети жили во тьме средневековья, — заключает «Пакистан таймс», — необходимо принять срочные меры для исправления катастрофического положения со школьным образованием».

КАБУЛ. В Афганистане издан декрет, согласно которому все граждане страны имеют равные права на образование. В республике вводится бесплатное всеобщее обязательное начальное образование. Подготовлены новые программы, учебники, вводится новая методика преподавания. Впервые в истории Афганистана с помощью советских специалистов выпущены буквари и учебники на узбекском и туркменском языках, на языке белуджи. Расширяется сеть курсов ликбеза для взрослых граждан страны — сейчас таких курсов около 35 тысяч. Активное участие в работе по ликвидации неграмотности принимает Демократическая организация молодежи Афганистана (ДОМА).

ПНОМПЕНЬ. В столице Кампучии, как и по всей стране, неуклонно восстанавливается нормальная жизнь. Возвращаются в родной город жители, изгнанные полпотовцами в так называемые «народные коммуны», воссоединяются семьи. Вступают в строй промышленные предприятия, в столице открылись три госпиталя, к занятиям на медицинском факультете в Пномпене приступили 700 бывших студентов. Недавно в выставочном павильоне столицы был организован смотр первых достижений республики. На одном из стендов — алюминиевые ложки, вилки, миски: в годы полпотовского террора кампучийцам запрещалось иметь даже домашнюю посуду. Рядом с этим стендом — первые шины столичного каучукового завода.

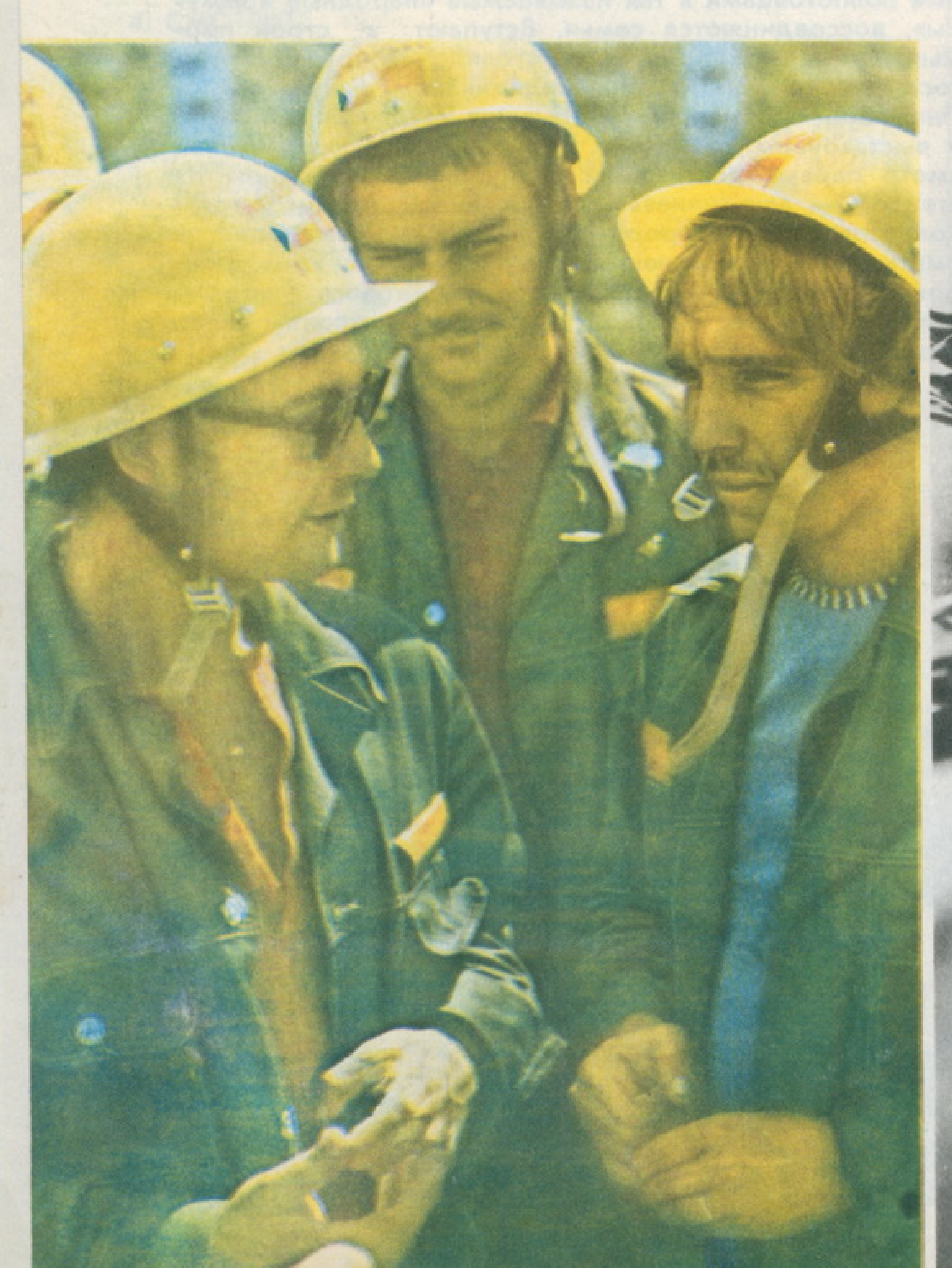
На снимке: наконец жители Пномпеня снова дома.

ТОЛЬКО В ТРУДЕ ВМЕСТЕ С РАБОЧИМИ И КРЕСТЬЯНАМИ МОЖНО СТАТЬ НАСТОЯЩИМИ КОММУНИСТАМИ.

В. И. Ленин

смотрите:

Эти парни и девушки — студенты Высшей сельскохозяйственной школы из словацкого города Нитра и Саратовского сельскохозяйственного института — бойцы интеротряда «Авангард». Они строят в учебном хозяйстве под Саратовом вторую очередь тепличного городка. Пожалуй, нет необходимости рассказывать, как проходят их будни и праздники, каковы результаты их труда, — об этом снимки. И еще эти снимки о дружбе, осмысленной общим делом, освященной общей целью, согретой общей любовью к земле.

Фото А. ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

2 ОКТЯБРЯ 1920 ГОДА ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН ВЫСТУПИЛ НА III СЪЕЗДЕ РКСМ С РЕЧЬЮ «ЗАДАЧИ СОЮЗОВ МОЛОДЕЖИ»

ДОРОГИ, ВЕДУЩИЕ К ЛЕНИНУ

Александр ЛОЗОВСКИЙ

Журналисты из пятнадцати стран были участниками встречи представителей зарубежных прогрессивных молодежных изданий, посвященной 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

Место встречи — Советский Союз: Ленинград, Москва, Саяно-Шушенская ГЭС...

Эти люди — наши гости — нелегко выбирали свой путь по жизни. Многие приехали из тех стран, где быть коммунистом сегодня непросто и даже опасно. Но все они знали, на какую дорогу вступают, и делали свой выбор сознательно и твердо.

Каждый выбрал себе учителем товарища Ленина. И конечно же, первая встреча с родиной Ильича для каждого была прикосновением к святыне. Волнение гостей было нам понятно и настолько искренне и велико, что вызвало ответную реакцию — законную гордость за родину Великой революции и ее вождя.

Результатом этой поездки будут очерки, статьи и репортажи в молодежных газетах и журналах четырех континентов Земли. Наверное, это немало. Но еще важнее для нашего общего завтра, чтобы в сердцах молодых журналистов осталась добрая память о встречах в Советском Союзе. Пусть эта память объединяет их всегда — она сильнее расстояний.

Неудивительно, что поразила их Сибирь: она достойна удивления. Масштабы ее строек и бескрайних просторов потрясли молодых журналистов. А великая зоркость мечты и масштабы предвидений Ленина покорили их сердца. Сделать Россию электрической, ту самую Россию, где избушки торчали грибами, как в Шушенском; где в пургу засыпало их снегом до глаз...

Всегда прекрасна дерзкая мечта. Еще прекраснее мечта осуществленная. Потому что это редкость, как большой алмаз.

...И вот они увидели плотину. В зимний день она была голубая, а Саянское море — белое, как лист перед началом письма или труда. Переводчики замерзли в ожидании вопросов. А журналисты из Англии, Зам-

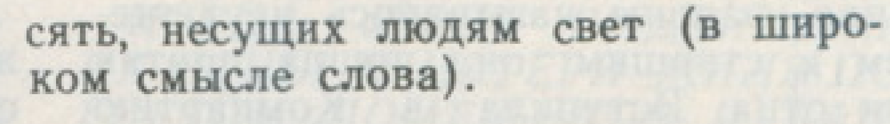

бии, Греции, Перу молчали. Все было ясно без вопросов: плотину строил Человек. Природа только наблюдала.

...УМ ДЕСЯТКОВ МИЛЛИОНОВ ТВОРЦОВ СОЗДАЕТ НЕЧТО НЕИЗМЕРИМО БОЛЕЕ ВЫСОКОЕ, ЧЕМ САМОЕ ВЕЛИКОЕ И ГЕНИАЛЬНОЕ ПРЕДВИДЕНИЕ.

В. И. ЛЕНИН

Окончательная высота плотины Саяно-Шушенской ГЭС 245 метров. В декабре 1978 года был пущен первый гидроагрегат; всего их будет де-

сять, несущих людям свет (в широком смысле слова).

Наши гости, непривычные к морозам, закутанные в шарфы и платки, неуклюжие в шубах с чужого плеча, вызывали у строителей улыбки.

Может быть, великолепие природы и величие стройки изменяют здесь характеры людей, интересовалась Катерина Хараламбаки из Греции. Строители ей объясняли, как объясняют детям: «Мы знали, что нам будет трудно. Нам и сейчас трудно. Здесь даже солнце в инее. Но мы знали, для чего мы здесь и что на этом месте будет». Катерина записывала в блокнот большими буквами: рукавицы на морозе не снимала.

Именно в Сибири ее поразило отношение государства к молодежи, содержание права на труд и балетные классы в сельском клубе.

— В Греции балетом занимаются только дети аристократов. Но они, как правило, не читают мою газету «Одигитис» — издание Союза коммунистической молодежи Греции. И поэтому вряд ли узнают про балетные классы в сибирской тайге. Я непременно напишу статью об этом... Ее прочтут, по крайней мере, 80 тысяч юношей и девушек, которые выписывают «Одигитис».

В Шушенском им показали дом, где в ссылке жил Ильич. Деревянная изба мало чем напоминала богатые экзотические музеи в их странах. И печь натоплена, и кажется, хозяин вас встретит сам и чаем напоит... Легко представить его жизнь в Шушенском. Точнее, внешнюю ее сторону: вот комната, вот стол, за которым работал молодой русский революционер. Вот книги. (Жизнь, воплощенная в книгах, нам понятна: это классика мировой литературы. А книги, воплощенные в жизнь? Это его труды.)

И, глядя на избу под снегом, Катерина Хараламбаки думала: какой же волей надо обладать, чтобы самые страшные, непреодолимые трудности считать временными? Недаром Ильич говорил о российском самодержавии, которое пугало всю Европу грозным видом: «А стена-то гнилая»...

А что ее, девочку из обеспеченной семьи, толкнуло на путь политической борьбы? Какие лишения пережила она или просто даже видела своими глазами? У отца своя клиника, свой дом. Катерина с детства привыкла проводить каникулы на знаменитых курортах или в турне по Англии, Франции, Италии, ФРГ...

Так что же привело ее сознательно в далекое холодное сибирское село? Ответить можно слишком красиво: жажда правды. Но такие вопросы опасны: они скрывают суть, а суть гораздо глубже. То, что сделала Ка-

терина, раньше называлось неуважением к старшим: она пошла против воли отца. Вступила в Компартию Греции. Вышла замуж за коммуниста. И не стала врачом, как мечтал отец, стала журналистом. Значит, ей лучше знать, какие раны врачевать сегодня у людей.

— Сейчас моя газета «Одигитис» переживает нелегкие времена: буржуазная пресса все чаще пугает читателей «советской военной угрозой». Конечно, греческий народ знает цену таким статьям. Он пережил и фашистскую диктатуру, и оккупацию, и американское военное присутствие. Греки понимают, кому может быть выгодно раздувание угрозы новой войны... И все же нам приходится почти в каждом номере опровергать эту ложь. Поездка по Советскому Союзу еще раз убедила меня в том, что социализм и мир неразделимы. Об этом говорят факты. А факты — упрямая вещь.

У Катерины дочь Лукия девяти месяцев осталась в Афинах.

— Часть моего сердца там, — сказала мне Катерина.

— Бóльшая часть? — спросил я.

— Нет, — она засмеялась, — бóльшая здесь, с вами... А почему это снег пахнет арбузами?

Катерина держала его на ладони, как беленького цыпленка.

— Потому что мы любим арбузы, — объяснили комсомольцы села Шушенского. — Мы их выращиваем.

— О! Арбузы в Сибири! — изумились гости.

— Да, — с гордостью кивнули комсомольцы.

И рассказали историю про известный в Красноярском крае совхоз-техникум, где растут арбузы, лук и другие овощи... История хозяйства легендарна и также связана с именем Ленина.

После смерти Ильича крестьяне Шушенского решили воздвигнуть ему памятник на сибирской земле. Но живое дело — это ведь тоже памятник. А что, если открыть сельхозтехникум для крестьянских ребят? Послали ходоков в Москву. Там идея понравилась. И в 1933 году по решению ВЦИК в Шушенском был организован сельхозтехникум. Теперь он называется совхоз-техникум имени В. И. Ленина и Н. К. Крупской. Его выпускники получают дипломы механизаторов и агрономов и работают, как правило, в Сибири. А здесь любая честная работа ведет к преображению края: такая земля.

Какая еще память осталась на берегу реки Шуши о молодом русском революционере, сосланном сюда в конце прошлого века? Великолепные, словно крымские, розы, яркие астры, веселые флоксы. Нет, их не привозят экскурсанты: они растут на сельских грядках. А первый цветник появился лет восемьдесят назад во дворе вдовы Петровой, где Ульяновы поселились... Надежда Константиновна охотно раздавала соседкам семена и черенки, и постепенно серое село становилось разноцветным; и лета ждали с нетерпением: на розы всем хотелось посмотреть.

— В Шушенском я увидел продолжение вашей революции: социалистическое строительство, — сказал Даниэль Шоз, французский журналист. — У нас во Франции многие молодые люди понимают революцию как отдельное событие, как смену правительства.

Но ведь революция — это еще и создание нового государства, новых отношений, всеобъемлющее строительство... В Сибири я видел ударные стройки, беседовал со многими комсомольцами. Что привело их сюда? Что заставило бросить дом, где родители всегда готовы помочь и поддержать? Чем объяснить отношение к собственной жизни как к ударной всесоюзной стройке? Ничем, кроме высоких идеалов, я думаю. Советская молодежь не только размышляет о светлом будущем: она его создает. Мне нравится хозяйский взгляд на природу: если богатства существуют, надо, чтобы они служили народу, — так считают комсомольцы.

...Я сейчас заканчиваю книгу о своем поколении — первом поколении, которое живет без войны, — сказал Даниэль. — Встречи с молодыми строителями Сибири будут еще одной главой в этой документальной повести.

Дети, которые до войны в Ленинградском Доме пионеров увлекались выжиганием по дереву, оставили после войны на Пискаревском кладбище табличку со следами своего творчества: «Памяти сверстников наших, павших безвременно в годы суровые. 1941—1945». И подпись: «Участники традиционной встречи школьников блокадного Ленинграда, юнг Балтики, сыновей полков, юных партизан, юных рабочих фронтовой промышленности».

Репортеры, привыкшие фиксировать события, забыли здесь о своих журналистских блокнотах, специальных заданиях и привычках. Элли Эфстатиу, киприотка, и японец Накадзима Осаму положили на мрамор гвоздики. От холода цветы через час, наверное, стали серебряными и тихо зазвенели на ветру...

В музее под стеклом хранилась серо-желтая «Фотокопия страниц из журнала учета трупов, поступивших на Пискаревское кладбище во время блокада 1941—1944 гг.».

От этого журнала отделяли журналистов не только десятилетия и расстояния. Отделяла другая жизнь... Почему же заплакала девушка с Кипра? Может, оттого, что жизнь у всех разная, а смерти людские похожи? Это ведь только говорят, что она бывает легкая или тяжелая.

Корреспондент голландского журнала «Йехт» Том Линдерс сказал:

— Я глубоко прочувствовал подвиг ленинградцев еще и потому, что голландцы, в первую очередь коммунисты, в эти годы тоже сражались против нацистской Германии. Мы хотим, чтобы наша молодежь свято помнила о совместной борьбе с фашизмом, в которой решающую роль сыграл советский народ.

Потом, когда мы ехали по городу, Том добавил:

— Мне даже подумать больно о том, как Ленинград обстреливали и бомбили. Как рушили историю, бесценные архитектурные памятники!.. Я ведь по профессии инженер-строитель.

Дело не в профессии, Том, подумал я. Хорошо, что все вы в самом начале судьбы научились ощущать чужое страдание как свое. Даже если скоро судьба ваша устроится благополучно и почти без проблем, вряд ли кто-нибудь из вас превратится в классического обывателя — от этого еще в начале века Ленин предостерегал молодежь: *«ЕСЛИ Я ИМЕЮ СВОЕ МЕСТЕЧКО, КАК ВРАЧ, КАК ИНЖЕНЕР, УЧИТЕЛЬ, СЛУЖАЩИЙ, МНЕ ДЕЛА НЕТ ДО ДРУГОГО. МОЖЕТ БЫТЬ, ПОТВОРСТВУЯ, УГОЖДАЯ ВЛАСТЬ ИМУЩИМ, Я СОХРАНЮ СВОЕ МЕСТЕЧКО, ДА ЕЩЕ СМОГУ И ПРОБИТЬСЯ, ВЫЙТИ В БУРЖУА».*

Почему вам это не грозит? Потому что: *«ТАКОЙ ПСИХОЛОГИИ И ТАКОГО НАСТРОЕНИЯ У КОММУНИСТА БЫТЬ НЕ МОЖЕТ».* Вот ленинский вывод. И он вас касается...

Я узнал от Тома Линдерса о том, как молодые коммунисты Нидерландов вели в армейских казармах агитацию против производства нейтронной бомбы. В результате 75 процентов солдат проголосовали за то, чтобы запретить это новое, изощренное оружие... Журнал «Йехт», где работает Линдерс, активно участвовал в той политической борьбе с планами милитаристов. О всех кампаниях, проводимых журналом, Линдерс рассказал коллегам во время «круглого стола» «Молодежная печать — коллективный пропагандист, агитатор и организатор».

Участники «круглого стола» не укладывались в регламент: они волновались, хотели рассказать как можно больше о своей стране, о молодежи... И это было понятно: здесь они оказались среди единомышленников, среди друзей, с которыми можно спорить обо всем на свете, кроме цели, ибо цель одна. И она единственная — Истина.

Они беседовали в Смольном, в здании, построенном в стиле строгого классицизма великим Джакомо Кваренги.

«За 124 дня жизни в Смольном Владимир Ильич написал около 200 работ», — объяснили им.

— Я всегда буду помнить об этом дне, об этой дискуссии, которую ленинградские товарищи организовали в Смольном, рядом с кабинетом Ленина, — сказал Доналд Шиака, журналист из Замбии. — В своем журнале «Юс» («Молодежь») я занимаюсь проблемой участия молодых людей в управлении государством. Знаете, здесь мы встречались с нашими сверстниками, представляющими молодое поколение страны в Вер-

ховных Советах СССР и РСФСР. Поразительно: молодежь осуществляет власть в таком огромном государстве! Вся их депутатская деятельность проникнута вниманием к людям труда, потому что и сами они люди труда.. Я считаю, все они — ленинцы. То есть люди, умеющие красиво и убедительно воплощать свою мечту. Вот о чем я напишу статью в журнале «Юс».

Не знаю, такой ли раньше представлял себе Россию, страну революции, журналист из Замбии Дональд Шиака. Я не спрашивал. Я только слышал, как они беседовали на английском с тихим японцем Накадзимой Осаму на прощальном вечере в Ленинградском Дворце молодежи. Все обратили за столом на них внимание, потому что они поменялись ролями: молчаливый японец говорил, а разговорчивый замбиец лишь кивал согласно.

— Рассказывая своим читателям о родине Ленина, я буду постоянно подчеркивать: это страна свободного труда, страна гарантированных прав для всех слоев населения, страна истинного миролюбия. И все это правда, — сказал Накадзима Осаму.

Конечно, они посетили «Аврору» — крейсер, который участвовал в четырех войнах и одной революции. Ни на один боевой корабль, кроме этого, никогда не поднималось столько людей: из 140 стран мира! Им показывали судовую радиостанцию и 6-е баковое орудие... Им показывали начало нашей новой истории.

— Но это ведь не только ваша история, — скажет вечером после экскурсии Йохен Рихтер из ФРГ. — Если бы только ваша, это было бы остальным любопытно и не более того. Не зря, кстати, в университете мне твердили, что ленинские идеи осуществимы лишь в специфике России. Однако жизнь доказывает обратное: его идеи верны и сегодня для всей нашей земли.

Недавно в нашем журнале «Элан» («Порыв») появился большой материал под названием «Интервью с товарищем Лениным». Мы поступили таким образом: взяли наиболее острые проблемы сегодняшнего дня, которые постоянно возникают в дискуссиях с молодыми рабочими, и ответы на эти вопросы нашли в работах Ленина. Получилась актуальнейшая статья об экономическом и социальном устройстве нашей страны, о путях борьбы против произвола предпринимателей.

Рихтер знает, как непросто в ФРГ завоевать доверие читателей: их столько раз обманывали. Эта поездка в Советский Союз стала для него поездкой за доказательством собственной правоты. После всего, что он здесь увидел, ему будет легче сравнивать, делать выводы, спорить на страницах «Элана». Вообще, писать легче, когда видел то, о чем обязан рассказать по долгу сердца.

На встрече в ленинградской газете «Смена» Йохен Рихтер внимательно записывал всех, кто участвовал в беседе на тему «Работа редакции по формированию у юношей и девушек марксистско-ленинского мировоззрения». Значит, ему это надо. Значит, настойчивый Рихтер намерен продолжать эту работу в сложнейших политических условиях Западной Германии.

А где они, простые условия политической борьбы коммунистов в капиталистических странах?..

Вот вам, к примеру, история молодого перуанского коммуниста Альберто Кастильо. Послушайте.

Когда Альберто в 75-м году не поступил на факультет социологии в университете в Лиме и решил заняться журналистикой, ему сказали: «Альберто Кастильо, ты умрешь с голоду». Почему ему так сказали? Потому что левые газеты существуют только на средства читателей, а читатели у них бедные.

Старший брат Маноло критикует его репортажи. Но Альберто тоже не молчит: он критикует песни Маноло, которые тот пишет для ансамбля «Вьентос дель пуэбло» («Ветры народа»).

Родители когда-то были против политической жизни Альберто. Даже не то чтобы против... Просто они считали, в семье достаточно волнений и со старшим, Маноло. Вечно пропадает на собраниях, заседаниях, забастовках протеста. Хватит и этого. А теперь еще младший туда же. А когда помогать в нашем ресторане? Мы уже не молоды...

В хорошие дни в ресторане «Баиа» всегда полно туристов. Альберто в фартуке, покрытом чешуей океанских рыб, стоит у плиты. Однажды Альберто устроил прием для советской делегации. Прием в честь 60-летия ВЛКСМ. (Есть ли мир теснее нашего? Я имею в виду во вселенной.) В тот день был удивительный штиль. И тихой ночью луна взошла над океаном. Стояла и слушала непривычные русские песни...

Эти люди были первые русские, которым Альберто рассказывал, что изучает Ленина, его статьи, связанные с образованием партии нового типа: «Что делать?», «С чего начать?», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»... Часто использует Кастильо и в своей журналистской работе ленинские статьи.

Еще Альберто рассказал им о политической борьбе в Перу на современном этапе. Конечно, и без него они были в курсе событий. Однако он был участником или свидетелем и поэтому знал больше. Он видел стачку учителей в апреле 79-го. Потом стачку шахтеров. Их было шесть тысяч. Они приехали из провинции в Лиму и поселились в парке университета. Ночью полиция окружила парк. Шахтеров загоняли в фургоны. Они сопротивлялись...

КОГДА ЛЮДИ ВИДЕЛИ, КАК ИХ ОТЦЫ И МАТЕРИ ЖИЛИ ПОД ГНЕТОМ ПОМЕЩИКОВ И КАПИТАЛИСТОВ, КОГДА ОНИ САМИ УЧАСТВОВАЛИ В ТЕХ МУКАХ, КОТОРЫЕ ОБРУШИВАЛИСЬ НА ТЕХ, КТО НАЧИНАЛ БОРЬБУ ПРОТИВ ЭКСПЛУАТАТОРОВ, КОГДА ОНИ ВИДЕЛИ, КАКИХ ЖЕРТВ СТОИЛО ПРОДОЛЖИТЬ ЭТУ БОРЬБУ, ЧТОБЫ ОТСТОЯТЬ ЗАВОЕВАННОЕ, КАКИМ БЕШЕНЫМ ВРАГОМ ЯВЛЯЮТСЯ ПОМЕЩИКИ И КАПИТАЛИСТЫ, — ТОГДА ЭТИ ЛЮДИ ВОСПИТЫВАЮТСЯ В ЭТОЙ ОБСТАНОВКЕ КОММУНИСТАМИ.

В. И. ЛЕНИН

В Смольном, во время экскурсии, Альберто позвал переводчицу и сказал ей тихо, для меня:

— Кроме журналистики, я собираюсь изучать право. Как Ленин.

Позже я вспомнил нашу встречу и этих молодых людей со всей Земли. И вдруг подумал: а ведь Ленин и к нам обращался — через страны и десятилетия. И это не красивые слова, потому что у них есть доказательства. Даже в своей речи на III Всероссийском съезде РКСМ, где товарищ Ленин говорил о делах сугубо внутренних, где призывал молодежь учиться коммунизму. Но учиться практически — в борьбе ежедневной и ежечасной. Разве это вопросы только того времени и той республики?

Он говорил о нравственности коммуниста. О душевной чистоте. В его словах было столько любви к человечеству, ко всему великому и доброму, что создавало оно веками и никому не позволит разрушить.

...И необходимо также сознавать, что без прочных и честных связей с народом коммуниста быть не может. Смысл жизни его неважно где: в тайге или в джунглях, на войне или на мирной стройке — в служении людям...

Разве это внутренняя тема?

В ОСНОВЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ НРАВСТВЕННОСТИ ЛЕЖИТ БОРЬБА ЗА УКРЕПЛЕНИЕ И ЗАВЕРШЕНИЕ КОММУНИЗМА. ВОТ В ЧЕМ СОСТОИТ И ОСНОВА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ, ОБРАЗОВАНИЯ И УЧЕНИЯ. ВОТ В ЧЕМ СОСТОИТ ОТВЕТ НА ВОПРОС, КАК НАДО УЧИТЬСЯ КОММУНИЗМУ. (В. И. ЛЕНИН. ИЗ РЕЧИ НА III ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ РКСМ.)

Их было шестнадцать. Они пришли в холодный день на Красную площадь не просто с экскурсией, а потому, что каждый из них выбрал себе учителем жизни Владимира Ильича Ленина — русского революционера.

А мир устроен так, что каждый ученик когда-нибудь и сам становится учителем. Только для этого нужно время. И вера в то, чему других научишь.

НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС

МЫ ХОТИМ, ЧТОБЫ МИРОВАЯ СИСТЕМА СОЦИАЛИЗМА БЫЛА ДРУЖНОЙ СЕМЬЕЙ НАРОДОВ, ВМЕСТЕ СТРОЯЩИХ И ЗАЩИЩАЮЩИХ НОВОЕ ОБЩЕСТВО, ВЗАИМНО ОБОГАЩАЮЩИХ ДРУГ ДРУГА ОПЫТОМ И ЗНАНИЯМИ, — СЕМЬЕЙ СПЛОЧЕННОЙ И КРЕПКОЙ, В КОТОРОЙ ЛЮДИ ЗЕМЛИ ВИДЕЛИ БЫ ПРООБРАЗ БУДУЩЕГО МИРОВОГО СООБЩЕСТВА СВОБОДНЫХ НАРОДОВ.

Л. И. БРЕЖНЕВ

«С РАДОСТЬЮ ЦЕННЕЙШИЕ

Эти слова прозвучали в Отчетном докладе Генерального секретаря ЦК КПСС XXIV съезду партии. И сейчас, по прошествии без малого десяти лет с того памятного мартовского дня 1971 года, когда они были произнесены, их можно с полным основанием назвать вещими словами. В них смысл, суть и цель отношений, связывающих узами братства народы, уверенно идущие по пути строительства социализма и коммунизма.

Великое движение к великой цели неизбежно должно было стать и действительно стало таким примером, в котором люди Земли все отчетливее видят будущее мирового сообщества народов. И достигнутыми результатами, и повседневной практикой взаимоотношений мировая система социализма доказывает всем: вот каким высоконравственным, бескорыстным, несущим всеобщее благо может быть сообщество народов, вдохновленных идеалами, вооруженных учением коммунистического переустройства общества.

Опровергнут и отвергнут веками господствовавший принцип, по которому выигрыш для одного народа есть проигрыш для другого. Более того: одной из важнейших задач свободных народов, выдвижение которой просто немыслимо в условиях капиталистической грызни за место под солнцем, стала забота о тех странах социалистического содружества, на чьей исторической судьбе роковым образом отразились колониальная и иные формы эксплуатации, за счет которых до поры до времени преуспевал и жирел капитализм.

Исправить эту историческую несправедливость, добиться выравнивания уровней экономического развития всех социалистических стран взяла на себя семья народов, вместе строящих новое общество.

Известно, насколько велика была разница в экономическом уровне стран, вступивших на путь социализма. Монголия была страной отсталого кочевого скотоводства и практически не знала промышленности. Вьетнам находился в колониальной зависимости, что наложило пагубный отпечаток на всю структуру его народного хозяйства. Придатком экономики США, ориентированным на производство монокультуры, была экономика Кубы. Страны юго-востока Европы до второй мировой войны также играли роль поставщиков сырья и продуктов земледелия для развитых капиталистических государств. Аграрно-индустриальными странами без достаточно прочной базы тяжелой промышленности были Венгрия и Польша. И лишь ГДР и Чехословакия относились к числу индустриально развитых.

Недавно социалистическое содружество отмечало 30-летие СЭВ, отмечало широко и радостно, ибо главные итоги деятельности этой организации неоспоримо свидетельствуют о ее жизненности, эффективности и огромных возможностях. На фоне за-

«ПРИНОСИТЬ МИРУ ДАРЫ НАУКИ»

тяжного спада и все более угрожающих кризисных явлений, которые переживает мир капитала, особенно впечатляюще значение того факта, что социалистическое содружество вступило в 80-е годы как самая динамичная экономическая сила в мире.

К настоящему времени страны СЭВ обеспечивают около одной трети мирового промышленного производства.

Такими показателями можно по праву гордиться. И могут по праву гордиться народы Монголии и Кубы, например, которым пришлось начинать создание жизнеспособной экономики с самого низкого уровня, что при братской помощи СССР и других социалистических стран они уже достигли такого положения, при котором в МНР удельный вес промышленности в национальном доходе превысил долю сельского хозяйства, а на Кубе получили развитие такие сложные отрасли народного хозяйства, как электроэнергетика, нефтепереработка, машиностроение.

Различия между европейскими странами СЭВ по производству национального дохода на душу населения теперь гораздо меньше, чем между США и развитыми странами Западной Европы, между этими последними и среднеразвитыми странами Средиземноморья, между США и Японией, не говоря уже о различиях между развитыми и развивающимися странами.

Так в международном масштабе выглядит соревнование двух систем, так социалистический интернационализм служит развитию каждой социалистической страны и всего социалистического содружества. А тем временем в мире капитала, несмотря на огромные возможности, которыми располагают империалистические государства, не только не происходит экономического выравнивания, но, напротив, разрыв между развитыми странами и отставшими в своем развитии продолжает увеличиваться.

Тогда же, на XXIV съезде КПСС, Леонид Ильич Брежнев говорил: «Мы стоим за то, чтобы сотрудничество братских стран становилось все более разносторонним и глубоким, охватывающим все более широкие массы трудящихся, чтобы основательнее изучался конкретный опыт друг друга на всех уровнях государственной, общественной, хозяйственной и культурной жизни».

Более чем когда-либо проявляется сегодня разносторонность и глубина сотрудничества социалистических стран. Оно во всем. И в выравнивании экономического уровня стран — членов СЭВ, о котором говорилось выше. И в растущем сходстве социальных структур, устранивших основы социального неравенства, и в преодолении существенных различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. И в развитии социалистической демократии. И в весомых результатах научно-технического сотрудничества, которому посвящены репортажи и очерки, опубликованные в этом номере «Ровесника».

В подборке материалов, предлагаемой читателю, запечатлены лишь отдельные моменты большой и плодотворной работы ученых и исследователей социалистических стран, о масштабах которой можно судить по таким показателям:

в настоящее время совместными научными исследованиями и разработками занято около пяти миллионов человек, в том числе миллион шестьсот тысяч научных работников, на которых приходится свыше 20 процентов создаваемых в мире изобретений;

в ходе осуществления Комплексной программы социалистической экономической интеграции закончено около 15 тысяч работ теоретического и прикладного характера, охватывающих почти весь спектр современной науки и техники. Среди них 1,7 тысячи новых конструкций машин, механизмов и приборов, свыше 1,3 тысячи технологических процессов;

в согласованный план многостороннего сотрудничества на 1976—1980 годы вошли 17 важнейших научно-технических проблем, на финансирование которых выделено 565 миллионов переводных рублей. Такой же план разрабатывается и на очередное пятилетие;

долгосрочные целевые программы, принятые СЭВ, включают разработку около 120 научно-технических проблем, а всего планами предусмотрена разработка свыше 4 тысяч проблем и тем, в которой участвуют более 3 тысяч научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций и высших учебных заведений;

осуществлены или находятся в процессе осуществления такие грандиозные совместные проекты, как строительство газопровода «Союз» и Усть-Илимского лесопромышленного комплекса (об этих уникальных стройках рассказывалось на страницах

«Ровесника»), возведение в европейских странах СЭВ и на Кубе атомных электростанций общей мощностью 37 миллионов киловатт, пуск первой очереди советско-монгольского медно-молибденового комбината «Эрдэнэт».

Что стоит за этими цифрами и фактами? Какой уровень отношений, какой опыт, какая повседневная практика способствует столь эффективной работе? Какие условия позволяют ученым социалистических стран, говоря словами выдающегося французского ученого-физика Фредерика Жолио-Кюри, «с радостью приносить миру ценнейшие дары науки»?

Значение этого состояния — радостного творчества, не отягощенного опасениями, что полученные знания, оказавшись в чьих-то нечистоплотных или преступных руках (вспомните историю создания атомной бомбы, сброшенной во имя утверждения амбиций американского империализма на Хиросиму и Нагасаки), принесут человечеству беды, трудно переоценить. Именно в нем одна из существенных причин тех успехов, которыми отмечено сотрудничество научных коллективов социалистических стран. «Мы, коммунисты, — отмечал на XXV съезде партии Л. И. Брежнев, — исходим из того, что только в условиях социализма научно-техническая революция обретает верное, отвечающее интересам человека и общества направление», ибо нет и не может быть подлинной революции в науке и технике, если ей не сопутствует безусловная ориентация на потребности и нужды человека и человечества, на обеспечение мира и счастья для народов.

Познакомившись с публикуемыми в этом номере «Ровесника» материалами, читатель получит некоторое представление о том, как живут, работают, совершенствуются в своем мастерстве, обмениваются идеями и опытом, проводят досуг ученые и исследователи из братских стран социализма. Но, и это главное, он ощутит атмосферу подлинной увлеченности, душевного товарищества, единства мировосприятия, которыми пронизана их жизнь и работа.

Огромной важности дело — научное сотрудничество друзей и единомышленников на самых передовых рубежах научно-технической революции, на самых животрепещущих направлениях познания — вершится в тысячах институтов и лабораторий десятками тысяч коллективов от Кубы до Вьетнама. Атомная энергетика и космос, биология и медицина — вот те полигоны, на которых действуют герои публикуемых материалов. Действуют во славу науки и во имя человека, в интересах своих народов и своих социалистических стран, всего социалистического содружества.

АТОМ — ХРАНИТЕЛЬ ЖИЗНИ И СВЕТА

РЕПОРТАЖ ИЗ УЧЕБНО-ТРЕНИРОВОЧНОГО ЦЕНТРА НОВОВОРОНЕЖСКОЙ АЭС

А. КОСТИН

В учебно-тренировочном центре сосны молодые и пахнет сеном от лесных полян.

В белый дом на зеленой траве приезжают по утрам ученики — венгры, чехи и словаки. Все, как один, работники атомных электростанций. А здесь они на стажировке. Не они первые.

С 1971 года в УТЦ подготовлено специалистов для атомной энергетики:

НРБ: КОЗЛОДУЙ	—508
ВНР: ПАКШ	—537
ЧССР: БОГУНИЦЕ	—369
ГДР: НОРД	—143
ФИНЛЯНДИЯ: ЛОВИИЗА	—155
ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ МЭИ:	—217

Всем им предстоит работать в будущем. В будущем в высоком смысле слова.

Еще вчера уран считали бесполезным. Металл этот добывали только затем, чтобы извлечь из него радий. А теперь его ищут, как золото. И это понятно: люди постигли энергетические возможности урана. Они колоссальны. Уран познается в сравнении с обычным минеральным топливом. Фантастика начинается с простой арифметики: одна тонна нефти при полном сгорании дает 12 тысяч киловатт-часов электроэнергии, тонна угля — 8 тысяч. Один грамм урана — 20 тысяч киловатт-часов!

...Только это открытие, будь оно даже единственным в науке нашего века, способно было поднять человечество до удивительных высот, рай создать на земле с легкой помощью НТР.

Но гениальное достижение ученых обернулось трагедией человечества и отпечатало на каменной стене вечную тень мертвеца, ставшего мертвецом за полсекунды 5 августа 1945 года в городе Хиросиме в результате взрыва американской атомной бомбы. Ее называли «малышка» — бомба действительно размерами не поражала. Однако люди, пораженные радиацией, умирали уже не секунды, а долгие годы, в тень превращаясь страшно, постепенно...

Атом урана стал символом смерти. Считалось, что иметь с ним дело могут только убийцы или обреченные.

Конечно, польза от его сказочной энергии была бы огромна, если добывать ее в мирных целях. Но как извлечь ее из атома смерти, чтобы не превратиться в его жертву — в тень мертвеца на кирпичной стене?

Мы были первыми: в 1954 году, в городе Обнинске под Москвой начала действовать единственная в мире атомная электростанция опытно-промышленного назначения мощностью 5 тысяч киловатт. Естественно, за ней внимательно следили за границей. Где-то, может быть, ждали от нее беды: было тяжкое время «холодной войны». Но станция работала, сеяла жизнь вокруг, давала свет и тепло.

Страх перед атомом урана, конечно, не был забыт человечеством, как жуткий сон, за такой короткий срок, полный наших достижений в энергетике. Ученые прекрасно помнили о том, что враг хитер и коварен, и думали о способах защиты от него. Ведь это же главное в работе с ураном — защитить человека от губительных радиоактивных излучений.

...Ученые придумали толстые бетонные стены в реакторном отделении и глухие ,зигзагообразные коридоры в опасной зоне, способные

укрыть от прямого лучевого удара, и литые чугунные двери. И все это мы видели на Нововоронежской АЭС, куда впервые попали в июне.

«В живописной излучине Дона сооружена атомная электростанция. Четыре действующих энергоблока имеют суммарную установленную электрическую мощность 1455 тысяч кВт. Проектная мощность пятого пускового блока составляет 1 миллион кВт».

Так написано было в проспекте, выпущенном для гостей. (За пятнадцать лет специалисты из 80 стран посетили эту станцию. Здесь часто проводятся международные конференции, заседания секции СЭВ, симпозиумы.)

Я читал проспект и вспоминал реактор в Обнинске — 5 тысяч киловатт. Всего четверть века назад он казался таким могучим, потому что был первым. Единственным.

А сегодня в Нововоронеже, «в живописной излучине Дона», происходит пуск энергоблока, мощность которого 1 миллион киловатт. И люди, занятые его наладкой, не думают о том, что было раньше в Обнинске, к примеру. У них на завтра дел полно. (Здесь «завтра» понимать не следует буквально. Речь идет о работниках будущего.)

Энергетики, командированные из Москвы, живут в гостинице, в поселке, километрах в пяти от электростанции. А купаться ходят на водохранилище пятого блока — синее искусственное море с белым парусом виндсерфинга на маленькой волне.

По вечерам иностранные стажеры, свободные от смены, тоже бегают на море, чтобы сбросить с себя на остывший песок напряжение долгого летнего дня.

День их начинается с автобуса, с дороги в учебный центр. Этот короткий отрезок пути мимо стриженых посадок и охлаждающих градирен электростанции, похожих на серые крепостные башни, можно назвать отрезком из стажерской судьбы, заранее определенной планом. Дело в том, что «планом развития атомной энергетики предусматривается ввод большого количества атомных электростанций в Советском Союзе и за рубежом при техническом содействии СССР, в том числе энергоблоков типа ВВЭР-1000».

И пока все это намечается, стажеры учатся всем этим управлять.

Блочный щит управления (БЩУ) тренажера вы видите на снимке, а мы видели в учебном центре во время тренировочных занятий. В детстве этот зал можно было бы принять за штурманскую рубку подводной лодки в фантастическом романе Жюля Верна. Знаменитый писатель никогда не бывал на АЭС, но техника будущего снилась ему именно такой: грандиозной, в высоких залах, с десятками экранов и сотнями ламп, с проводами, сиренами, кнопками... На капитанском месте — на вращающемся кресле — сидел на возвышении инструктор Анатолий Петрович Рылев. У него был стаж с 62-го года, из них 16 лет на этой самой станции.

— Известно, что сегодня без тренажера никуда. И космонавты, и водители троллейбусов, и начальники смены АЭС. Порядка пятисот аварийных ситуаций заложено на пульте начальника смены. Зачем они нужны? Для тренировки бдительности, — сказал инструктор. — А когда человек год или два поработает на действующем блоке, он привыкает к автоматике и постепенно бдительность теряет. Поэтому здесь мы отключаем автоматику. И вызываем на тренировку операторов с других АЭС и, конечно, из стран — членов СЭВ. Опытным товарищам достаточно две недели, чтобы прийти в полную боевую готовность.

Он сделал полоборота на вращающемся кресле и сказал ученикам:

— Эмилиан! Ну, ты принял смену? Готов?.. Кого ты поставишь на разгрузку мощности?.. Оравеца. Хорошо.

Эмилиан Шефчик из Богунице, который вчера вечером в гостинице объяснял мне, что у них на АЭС нет пока тренажеров и опыта мало и только два первых блока работают на полную мощность, — этот самый Эмилиан ждал, когда на щите управления возникнет, замигает и появится аварийная ситуация. У него был взгляд стрелка по мишени «бегущий кабан», стерегущего кабана.

— Сейчас я уроню кассету, и на экране погаснет шестерка, — сказал мне тоном заговорщика инструктор.

(Активная зона собрана из шестигранных кассет с тепловыделяющими элементами (ТВЭЛ). В активной зоне установлено 349 кассет.)

Шестерка погасла. Неприятно завыла сирена. Легко представить эту аварийную ситуацию на настоящем блоке: модель БЩУ — точная копия.

Инструктор догадался, о чем я молчу, и сказал:

— Наша задача сделать все, чтобы не было отключения станции по вине персонала.

— Начальник смены! — позвал Рылева Эмилиан. — Начальник смены! У нас порядок.

— Стабилизируйтесь и проверьте еще раз параметры, — сказал ему Рылев, а мне пояснил: — Мощность на блоке была 440, они разгрузились до 300. Если такое случится на станции, эти ребята не растеряются. Я был у них на АЭС в Богунице год и три месяца на пуско-наладочных работах. Мы готовили персонал для их станции: начальников смены, инженеров, механиков...

В аварийных ситуациях они отдают команду на своем языке. На нас внимания уже не обращают. Но я словацкий понимаю.

Рылев снял телефонную трубку:

— БЩУ! Начальник смены говорит. Вам разрешается сдать смену. Оравец пусть принимает.

— Следи за давлением, — сказал Эмилиан Рудольфу Оравецу уходя.

По словам Рылева, после занятий на пульте с 9 до 13 «голова вот такая становится». Но по глазам учеников я не заметил этого. Они, как настоящие люди из будущего, умели четко распределять свое время и отключаться моментально от работы. Наверное, и отдыхать они умели по системе йогов, только я не спрашивал.

Сумерки застали нас в гостинице. Было тихое время. Венгры готовились к экзаменам на завтра и вспоминали все, что пройдено и чему их учили в двенадцати специализированных аудиториях УТЦ, где висят наглядные пособия по главному технологическому контуру, электрооборудованию, спецводоочистке.

— Наша группа занимается здесь СУЗом — службой управления и защиты, — сказал мне ее руководитель из Венгрии Деже Шаркади, — многие наши ребята работали раньше на тепловых электростанциях (Янош Киш и Янош Туза, например). Им, конечно, переучиваться легче. А я на станции с апреля 80-го года. До этого в сельхозинституте работал, потом на строительстве телефонного центра, потом был начальником телефонного узла в Пакше... Видите, какой имею опыт, несмотря на молодость лет!

Деже улыбнулся, довольный своими знаниями русского, который в школе преподает его жена Каталин ученикам старших классов, а дома — немножко мужу.

— Наша атомная станция в Пакше, возможно, в следующем году будет готова. Можно сказать, что у нас есть хорошие мастера, потому что были хорошие педагоги из Советского Союза. У меня, например, Митяев преподавал теоретический материал. Сейчас Митяев в Венгрии, на АЭС. А Серебряков ведет практику. Кстати, будет завтра принимать экзамены у группы...

Я пожелал ему «ни пуха ни пера», а сам подумал: а ведь эти люди приносят реальную, ощутимую пользу своей стране. Вы же понимаете, какая польза европейским государствам от атомных электростанций, для которых не требуется великих рек и угольных бассейнов, а только ТВЭЛы (тепловыделяющие элементы) с гарантированным сроком службы.

...А сейчас уже запланирован пуск второй очереди УТЦ на 1984 год в связи с вводом в строй пятого энергоблока типа ВВЭР-1000.

Атом урана должен стать символом жизни. И когда в середине XX века великий французский ученый Фредерик Жолио-Кюри создал урановую батарею, он дал ей сказочное имя — Зоэ. Все возвратилось на круги своя, ибо именем Зоэ древние греки называли жизнь.

ЗВЕЗДНЫЙ ГОРОДОК, АЛЛЕЯ ДРУЖБЫ

Звездный городок встречал первые экипажи «Салюта-6». Космонавты, постояв у памятника Юрию Гагарину, направились к Дому культуры. Вокруг клокотало людское море. К космонавтам тянулись руки, летели букетики цветов, суетились вокруг мальчишки, пытаясь получить автографы. Георгий Гречко улыбался, Владимир Ремек что-то объяснял Алексею Губареву, но тот не мог разобрать слов в этом праздничном гуле. Юрий Романенко, увидев на асфальте красные гвоздики, нагнулся и бережно собрал их, и тотчас толпа зааплодировала, показав, что следит за каждым движением звездных братьев.

Был праздник. Веселый, радостный, весенний. Да и день выдался солнечным, как это часто случается в Подмосковье в апреле.

Впервые по «аллее славы» Звездного городка шел интернациональный отряд. Позади четверки, отличившейся в космосе, шагали будущие космические экипажи. Пройдет совсем немного времени, и со старта Байконура уйдут к «Салюту-6» Петр Климук и Мирослав Гермашевский, Валерий Быковский и Зигмунд Йен, Николай Рукавишников и Георгий Иванов, Валерий Кубасов и Берталан Фаркаш, Виктор Горбатко и Фам Туан — международные экипажи, которые готовятся по программе «Интеркосмос».

Мне довелось провожать в полет и следить за работой на орбите всех международных экипажей. Это были волнующие и памятные дни. В канун стартов, а иногда и после возвращения довелось подолгу беседовать с командирами. Фрагменты этих интервью я и предлагаю вашему вниманию. Первое из них было взято в тот памятный апрельский день, когда Звездный городок встречал Ю. Романенко, Г. Гречко, А. Губарева и В. Ремека.

Алексей ГУБАРЕВ: Наш полет с космонавтом из Чехословакии — это завершение определенного этапа в совместном исследовании космоса братскими странами. Как известно, такое сотрудничество осуществляется давно, в том числе и с помощью спутников «Интеркосмос» и геофизических ракет «Вертикаль». Оно охватывает практически все области космонавтики. И в нем принимают участие десятки научных учреждений стран — членов СЭВ, тысячи ученых и специалистов.

Конечно, я был счастлив, когда меня назначили командиром первого международного экипажа. С Володей Ремеком мы подружились быстро, да и как могло быть иначе — мы оба отлично понимали, насколько ответственная задача ставилась перед нами. И на подготовку к полету не жалели ни сил, ни времени. Володя мне в сыновья годится, и, не преувеличивая, могу сказать, что поистине родственные отношения установились у нас.

Мы оба прекрасно понимали, что надо полностью выполнить всю программу, ведь каждый эксперимент, задуманный учеными и специалистами СССР и ЧССР, — это итог их многолетнего труда. Причем некоторые исследования уже проводились на борту искусственных спутников серии «Интеркосмос», в запуске которых принимали участие астрономы и биологи, геофизики и электроники Чехословакии. Как известно, чуть более десяти лет существует программа «Интеркосмос», объединяющая усилия ученых стран — членов СЭВ. Уже с первых шагов специалисты Чехословакии принимают в ней самое активное участие, в частности, они готовили к полету первенец общей программы — спутник «Интеркосмос-1», который стартовал 14 октября 1969 года. Таким образом, первая международная экспедиция на «Салюте-6» явилась своеобразным итогом той работы, которую наши народы вели уже много лет. И одновременно ставились важные для космонавтики будущего эксперименты.

К примеру, с Владимиром Ремеком мы проводили эксперимент «Хлорелла». Есть в Праге музей, где хранится коллекция живых водорослей. От-

сюда ученые многих стран берут различные виды водорослей, которые используются и для научных целей, и в сельском хозяйстве. Ведь хлорелла — это белок, добавка ее в корма повышает продуктивность животноводства. Ну а в космосе 30—40 литров взвеси водорослей достаточно, чтобы обеспечить человека и водой, и белком для пищи, и чистым воздухом. Эти универсальные свойства хлореллы и предстояло нам проверить в условиях космического полета — важно было выяснить, как она ведет себя в невесомости. Четыре вида хлореллы участвовало в эксперименте: два от СССР, два от ЧССР. После нашего возвращения кусочки космической хлореллы были распространены среди всех стран — участниц программы «Интеркосмос», чтобы биологи смогли их тщательно изучить. Мне кажется, даже этот пример показывает, насколько широко и глубоко всестороннее сотрудничество социалистических стран в космосе.

Петр КЛИМУК: Когда на борту «Салюта-6» начала работать первая экспедиция Юрия Романенко и Георгия Гречко, я искренне завидовал ребятам. Признаюсь, после двухмесячного полета с Виталием Севастьяновым на «Салюте-6» подумал: «Наверное, больше не захочется в космос», — уж очень мы тогда соскучились по всему земному... Но новая станция на орбите, и я сразу же начал готовиться к полету.

Вместе с Мирославом Гермашевским, космонавтом-исследователем из Польши, мы работали на борту орбитального комплекса с Владимиром Коваленком и Александром Иванченковым. Не хочу останавливаться на научных результатах этого полета, о них много писали. Отмечу другое, не менее важное, что дает совместная работа с космонавтами братских социалистических стран. Мой отец погиб на войне, освобождая Польшу. Отец Мирослава тоже сражался с фашизмом. А теперь мы, представители следующего поколения, вместе готовились к космическому полету и выполнили все, что было предусмотрено программой.

Мне кажется, что в судьбах всех интернациональных экипажей, которые уже поработали в космосе и которым еще предстоит там побывать, отражаются судьбы наших народов. Наверное, при составлении перечня экспериментов по программе «Интеркосмос» такие сугубо человеческие связи не учитывались — наука предпочитает иметь дело с цифрами и фактами. Но, на мой взгляд, огромное значение первых стартов международных экипажей и в той атмосфере дружбы и братства, которая царила при их подготовке и которая еще более укрепляется после возвращения экипажей на Землю.

Валерий БЫКОВСКИЙ: От двух поездок в Германскую Демократическую Республику остались самые теплые, незабываемые воспоминания. Сначала нас вместе с Владимиром Аксеновым встречал Берлин. Мы вернулись из полета на «Союзе-22», испытав космический фотоаппарат МКФ-6, созданный учеными и специалистами СССР и ГДР и изготовленный на народном предприятии «Карл Цейс Йена». Мы побывали у рабочих, инженеров предприятия, обсудили, что и как нужно усовершенствовать в этой камере, так необходимой для народного хозяйства.

Научно-техническое сотрудничество СССР и ГДР охватывает практически все области фундаментальных и прикладных исследований. Ученые и специалисты сообща осуществляли десятки оригинальных разработок. Среди них электродвигатели и шлифовальные станки, атомные реакторы и пластмассы. Создание установки для получения полиэтилена высокого давления «Полимир-50» отмечено Государственной премией СССР. Немало общих работ проведено и в космическом пространстве. И в частности, наиболее популярный космический фотоаппарат МКФ-6М, безупречно действующий на борту станции «Салют-6» вот уже три года, еще одно свидетельство эффективности и качества совместного труда ученых, специалистов, космонавтов наших стран.

Николай РУКАВИШНИКОВ: Наш полет с Георгием Ивановым был недолгим. К сожалению, из-за неполадок в двигательной установке корабля пришлось возвращаться на Землю, так и не попав на станцию «Салют-6». Мы должны были с космонавтом из Болгарии провести серию экспериментов, разработанную учеными и специалистами наших стран. Хочу отметить, что специально для нашего полета в различных научных центрах Болгарии, связанных с космическими исследованиями, были созданы уникальные приборы. Такие, как «Спектр-15» или «Дуга». С их помощью изучаются верхние слои атмосферы, различные природные образования на поверхности Земли. Но мы вынуждены были вернуться.

Вся аппаратура, созданная в Болгарии, была доставлена на борт «Салюта-6» грузовыми кораблями «Прогресс». И основной экипаж станции — Владимир Ляхов и Валерий Рюмин — пункт за пунктом осуществил программу космических исследований, предложенную болгарскими специалистами. Мне кажется, в этом факте ярко отражается суть сотрудничества ученых стран социализма. Более того, после нашего старта уже проведено два интернациональных полета — советско-венгерский и советско-вьетнамский. Космонавты-исследователи из ВНР и СРВ пользовались болгарской аппаратурой.

Ну а что касается следующего советско-болгарского полета, то я глубоко убежден: ждать недолго. И когда мы встречаемся с Георгием Ивановым здесь, в Советском Союзе, или в Болгарии, первый вопрос, который

задаем друг другу: «Готовишься?» Ответ одинаков: «Конечно же, ведь мы сугубо «космические» люди и без полетов уже не можем представить свою жизнь».

Валерий КУБАСОВ: За пять лет я участвовал в двух международных полетах. Вначале по программе «Союз» — «Аполлон», а в мае 1980 года по программе «Интеркосмос». Не буду их сравнивать, у каждого старта есть свои особенности, но хочу подчеркнуть, что их проведение накладывает особую ответственность на космонавта. Ты чувствуешь себя не только представителем своей страны, но и той, с космонавтом которой работаешь на орбите. Ведь и заботы в космосе общие, и желание одно: полностью выполнить все, что намечено учеными и специалистами. Они доверяют тебе, значит, ты не имеешь права их подвести.

С Берталаном Фаркашем мы это понимали с первого дня совместных тренировок. Космический экипаж, из скольких бы членов он ни состоял, — единство мыслей, чувств, знаний, мастерства. Нас двое в космосе, но мы обязаны работать, словно один человек, мы должны понимать друг друга с полуслова. И самое радостное чувство было на заключительном заседании Государственной комиссии, когда мы отчитывались о результатах полета, — нам поставили высшие оценки и сказали: «Замечаний по полету нет».

А в Венгрии, где мы побывали вскоре после возвращения, я еще раз убедился, насколько важны и нужны такие интернациональные полеты: десятки ученых, с которыми мы встречались, были очень довольны результатами, полученными с борта «Салюта-6». Те фотографии, ампулы с космическими материалами, результаты многочисленных экспериментов, доставленные на Землю из космоса, позволяют многим отраслям науки о космосе не только в Венгрии, но и в странах, принимающих участие в программе «Интеркосмос», сделать очередной шаг в познании вселенной, в более широком использовании космоса для нужд Земли.

Я разговаривал с космонавтами в Центре управления полетами. А на орбитальной станции «Салют-6» вместе с Леонидом Поповым и Валерием Рюминым работал новый международный экипаж — Виктор Горбатко и Фам Туан. Вслед за советско-вьетнамским экипажем готовился к своему старту советско-кубинский... А затем и советско-монгольский, и советско-румынский... А иначе и быть не может! Помните апрель 1961 года? Именно тогда прозвучали из Москвы слова: «Все достижения в космосе мы ставим на службу человечеству».

Владимир ГУБАРЕВ

Этот номер журнала был подписан в печать, когда пришла весть о совместном полете советско-кубинского экипажа в составе Юрия Романенко и Арнальдо Тамайо Мендеса.

На снимках: это наша Земля. Такая она из космоса. Николай Рукавишников и болгарский космонавт-исследователь Георгий Иванов в кабинете Юрия Гагарина в Звездном городке (стр. 15). Через пять минут судья даст свисток, и начнется этот принципиальный сет: Мирослав Гермашевский против Петра Климука. Лес любит тишину, а космонавты любят ее слушать. Летний день снимает напряжение с плеч Алексея Губарева и Владимира Ремека — первого нашего международного космического экипажа. Космонавты смеются... Интересно было бы узнать, над чем, — спросили специальные корреспонденты Валерия Быковского и Зигмунда Йена. Берталан Фаркаш и Валерий Кубасов на практических занятиях. Виктор Горбатко и Фам Туан наблюдают Москву с высоты Ленинских гор.

Фото Альберта ПУШКАРЕВА и ТАСС

ПЛАНЕТА ОТКРЫТИЙ — ПУЩИНО

РЕПОРТАЖ ИЗ ЦЕНТРА БИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Александр ШУМСКИЙ

Река здесь называется Ока. А лес здесь называется Мелодия. Они так и говорят: «В субботу встретимся в Мелодии». Как будто речь идет о каком-нибудь молодежном кафе, куда очередь тянется по всей улице Горького... Все здесь странно, даже тишина: институты научного Центра работают молча. Биология требует тишины, чистоты и покоя душевного тоже. Так что если выскочит однажды человек в халате из лаборатории на площадь со счастливым криком «Эврика!», то услышит его весь город. И практически все население улыбнется, потому что поймет человека, ибо в Пущине все биологи. (В широком смысле «биологи», то есть люди, служащие биологии. А есть среди них и математики, и физики, и химики. Есть инженеры-наладчики.) А как же иначе, если еще Аристотель, размышляя о связи физики с биологией, говорил об их полном единстве: учение о жизни есть часть физической науки. По Аристотелю, физика — это наука о вещах, которые происходят из природы.

...В те дни природа создавала лето: разводила краски. Синие — в Оке, изумрудные — в березовых рощах. А выставки открывала по утрам. Сбрасывала с картин простыни тумана и показывала зрителям: «Ну как?» Холсты ее были свежими, влажными, в каплях росы.

По росе ученые ходили босиком. Это было 22 июня, они встречали самую короткую ночь в году, слушали российских соловьев в прибрежных рощах и вспоминали тех, для кого эта самая короткая ночь в году стала самой последней в жизни каких-то тридцать девять лет назад... А сказать точнее, поминали. Потому что ученые были молоды, родились они после Победы. И в Пущино приехали из разных государств работать и учиться. Ведь что такое Пущино в международном масштабе? Научный Центр биологических исследований АН СССР.

В общем, ночь с соловьями получилась грустная. И на рассвете по росе пятнадцать ученых возвращались в свои общежития квартирного типа в доме «АБ-1», а оттуда в лаборатории, к своим мировым проблемам.

«Программа научного сотрудничества охватывает пять фундаментальных направлений биофизики. Первое из них — исследования макромолекул белков и нуклеиновых кислот, их структуры и функций. Над этой проблемой успешно работает коллектив ученых Советского Союза и ГДР.

Второе направление — изучение механизма мышечного сокращения. Эта работа имеет отнюдь не только теоретическое значение — изучение мышц представляет большой интерес для инженерии. Ведь до сих пор мускульный двигатель — самый рас-

пространенный в природе: если посчитать, какое количество энергии производят мускулы животных, населяющих землю, эта цифра, как считают ученые, превысит в несколько раз энергию, произведенную тепловыми двигателями, которые создал человек.

Исследования многоплановы. Молекулярный механизм работы мышц связан со сложным взаимодействием различных типов белков. Познание физических и физико-химических свойств таких белков — центральный раздел проблемы. Здесь активно работают специалисты ВНР, ПНР, СССР и ЧССР. Большой интерес представляет и проникновение в тайны сердца — мышцы важнейшей. Тут перспективен анализ электрических сигналов, подаваемых сердцем, их математическое моделирование и компьютерный анализ кардиограмм. Большой вклад в это дело вносят ученые Венгрии. Сама идея проста: имея энергетическую модель сердечной мышцы, электронная машина перебирает возможные варианты нарушений нормальной работы модели. А врач может наблюдать за внесением в модель искусственных нарушений, как бы видя открытое сердце пациента...»

Вот такие простые идеи рождаются в вековой сосновой тишине города Пущина.

В день приезда наивный вопрос не давал мне покоя: почему же именно здесь, на Оке, в ста двадцати километрах от Москвы, за окнами лабораторий летает, подобно тополиному пуху в июне, научное вдохновение? И разве не могли родиться те же самые простые гениальные идеи в старинных зданиях с колоннами, в кабинетах московских исследовательских институтов?

— Могли, конечно, — улыбнулась моему вопросу, давая свой ответ, Росица Димитрова-Мандева, аспирантка из Болгарии. — Но только здесь условия оптимальные. Если я приезжаю в научную командировку в большой город...

— Допустим, в Софию, — сказал я.

— Допустим, — согласилась Росица. — И там я встречаюсь с коллегами исключительно в лаборатории. А после работы нас разделяют расстояния, заботы... В Пущине этих проблем нет: мы и живем, и работаем, и отдыхаем вместе. Известно, что в научном Центре новый человек за неделю получает информации больше, чем в Москве за год.

Представляете, сколько информации таит в себе Росица, если она уже три года в Пущине?

Чем же занимается болгарская аспирантка в Институте биохимии и физиологии микроорганизмов, которым руководит академик Георгий Константинович Скрябин? Тема ее работы в одном названии содержит слишком много специальных терминов. Но, к счастью, веселая Росица это понимает и умеет плавно спускаться на землю с лабораторных туманных высот.

— Напишите, что я занимаюсь сверхсинтезом дрожжей, — сказала она. — Вообще основная задача микробиологии сегодня — получить пищевые продукты из непищевого сырья.

«Часто говорят о будущем человеческого общества, и я хочу его представить таким, каким оно будет в 2000 году, разумеется, с точки зрения химика. Тогда уже не будет ни пастухов, ни хлебопашцев: продукты питания будут создаваться химией» — так писал в прошлом веке французский ученый Пьер Марселен Бертло.

«С давних пор, с того времени, как стали известны процессы брожения (а именно благодаря этим процессам заквашивается молоко, поднимается тесто, образуется вино), люди пользовались услугами полезных микробов. Однако использовать их для микробиологического получения белка и других полезных веществ стали сравнительно недавно. (Так реальностью становится предвидение великих химиков.)».

А институту всего пятнадцать лет.

— Однако авторитет Георгия Константиновича Скрябина в научном мире очень высок. Многие западные фирмы гордятся тем, что на их химикалиях и оборудовании проводятся опыты в Пущине, — сказала Росица.

К вечеру начался дождь, обещанный Гидрометцентром. Росица погасила свет в лаборатории, проверила, все ли приборы отключены, закрыла дверь и вышла в коридор. Мимо проходили сотрудники, многие несли в авоськах пакеты бесплатного молока. (В этом институте молоко положено выдавать каждый день.)

— А вы свое забыли в холодильнике? — спросил я аспирантку.

— Нет. Я отдала сотруднице, у которой маленькие дети.

В фойе она сказала вахтерше, как все:

— Тетя Даша, до свидания. Спокойного вам дежурства.

Ну вот и прижилась, подумал я. Как дома. Мы уже шли по дождливым аллеям.

— Что я буду чувствовать от Пущина? — спросила Росица, заранее мысленно прощаясь с городком, потому что наступили последние ее каникулы. И ответила сама: — Невозможно забыть встречи с людьми — профессионалами из разных стран. Это огромное богатство. Наверное, никогда больше не будет у меня таких идеальных условий для исследовательской работы. Вы знаете, так многие считают, кто здесь бывал. Даже те, кто стажировался в Кембридже.

В 20.30 в интерклубе начинался тематический вечер «Страны, люди,

города». Андрей Савельев, председатель интерклуба, только что вернулся из Будапешта и привез слайды. А кубинский стажер Хусто Перес в мае ездил в Ялту и тоже там фотографировал на цвет. И сегодня они устраивали свой маленький пущинский клуб кинопутешествий. Это был последний сбор перед каникулами, разъездами и отпусками.

Два чайника согрели на газовой плите, печенье разложили по тарелкам. Все было тихо, по-семейному, без возбуждения и лишней суеты. Посторонними в семье биологов здесь были только мы, да и то лишь первые полчаса. А уже потом Роберт Юнг из ГДР, вице-президент интерклуба, рассказал нам про Суздаль, Самарканд и Бухару, где был два раза. Про Приокско-Террасный заповедник, куда ходили смотреть на зубров и бобров, которые по весне ремонтировали свои хатки. Про вечер русской музыки, «организованный и проведенный силами учителей музыкальной школы». От вечера осталась в памяти виртуозная игра молодой балалаечницы.

В апреле интерклуб принимал участие в коммунистическом субботнике — посадили 50 кленов. А 9 мая возложили венок к обелиску в деревне Балкове. На митинге в честь Дня Победы были кубинцы Хусто Перес и Сурина Пенабад, болгарки Лиля Мыглова и Росица Димитрова-Мандева, монголы Наяма Дойржин и Ойдовын Бат-Эрдене, вьетнамка Нгуен Тхи Дыонг Тьи, немец Рудольф Юнг и другие биологи из стран социализма. Венок они делали сами из живых цветов...

Они все привыкли делать сами. Биологи сегодня как разведчики, уходящие в глубь жизни, будто в тоннель, в поисках второго выхода. Того, который в будущее. У каждого в этом поиске свои обязанности, но разведчики крепко держатся за руки, чтобы цепочка не распалась, и идут. А за спиной у них в ожидании армия — все человечество. Что принесут ему результаты разведки? От каких опасностей избавят?

Председатель совета научного Центра биологических исследований Академии наук СССР в Пущине, член-корреспондент АН СССР Генрих Романович Иваницкий: «Сейчас можно говорить о «четырех ужасах человечества»: энергетическом кризисе, голоде, болезнях и разрушении среды обитания. Нельзя сказать, чтобы все пессимистические разговоры вокруг этих проблем были полностью безосновательны. Вот примеры. Постоянно меняется (ухудшается!) кислотный состав атмосферы. Накопление металлов в растениях (по данным некоторых европейских стран) на пределе безопасности. Миллионы людей умирают от болезней сердца, сосудистых заболеваний и рака. По данным ООН, половина человечества ныне систематически недоедает. А горючие ископаемые будут израсходованы в ближайшие 100 лет.

Это все реальные опасности. Утверждаю: в каждой из указанных областей биологические методы могут помочь разрядить обстановку. Вот примеры.

Энергетика. Двести лет известен процесс фотосинтеза: в растениях под влиянием солнечного света из углекислого газа и воды образуются органические соединения. Если этот процесс разорвать, не доводить до завершения, то на определенной стадии можно будет получать при помощи живых организмов водород и кислород. Водород — высокоэффективное топливо. Такие работы ведутся в Пущине. Они обещают значительный рост энергетических ресурсов.

Питание. В Пущине разработаны микробиологические методы получения белка, который можно добавлять в пищевые рационы. Это одно из возможных направлений решения пищевой проблемы.

Заболевания. В нашем институте создана математическая модель электрических процессов, протекающих в человеческом сердце. Это позволяет установить прямую и объективную связь между изменениями кардиограммы и патологическими явлениями в сердце. Следовательно, можно будет более уверенно лечить сердечные заболевания.

Среда обитания. Биологические исследования позволяют разработать методы оперативного выведения из организма таких вредных для него веществ, как металлы, антибиотики, химические средства обработки растений (все эти вещества попадают в организм человека, в частности, с пищей). Нужно изучить механизм накопления их организмом. Эту задачу нужно решать на биофизическом уровне.

Я привел несколько весьма разрозненных примеров того, какие опасности угрожают жизни на Земле. И столь же разрозненны примеры возможных путей ослабления негативных влияний. При всей пестроте картины она, как мне думается, позволяет ощутить сегодняшний диапазон биологических исследований».

Только в Пущине стало возможным решение таких задач, которые раньше даже не пытались формулировать из-за трудоемкости измерений (например, подсчет клеток мозга). А сейчас в рамках программы СЭВ ведется работа вместе со специалистами предприятия «Карл Цейс Йена» (ГДР). В этом международном коллективе обязанности распределены так: советские исследователи ведут научные, теоретические изыскания; немецкие специалисты занимаются конструированием и производством оборудования. И вот этими силами совсем недавно создан «Морфоквант» — аппарат, в который входят сканирующий микроскоп и ЭВМ. Сканирующий микроскоп — это сочетание оптического микроскопа с телевизионной установкой. Восемь лет шла разработка системы «Морфоквант». Никто не ограничивал ученых ни в поиске, ни во времени. Всем было ясно: эта игра стоит свеч. Система создана для диагностики раковых заболеваний. До чего же она гениально проста! У человека 42 хромосомы. И «Морфоквант» способен почти моментально установить, в какой из них наблюдаются патологические изменения... На его приборах фирменные знаки предприятий ГДР и ВНР. А трое советских исследователей были удостоены Государственной премии за создание «автоматической системы анализа микрообъектов».

Конечно, сегодня еще «Морфокванты» не стоят в поликлиниках нигде в мире. Но у нас есть надежда на завтра.

...А утром мы пошли в березовую рощу фотографироваться на память и гулять, потому что начиналось воскресенье. На аллее Ветеранов спокойный и молчаливый монгол Ойдовын Бат-Эрдене вдруг обрадовался чему-то своему и сказал нам улыбаясь:

— Второе дерево на этой аллее я посадил. Каждый иностранец сажает здесь дерево. Пойду посмотрю — растет?.. — И Бат побежал вперед.

Вернулся счастливый:

— Все растут. И мое растет.

«А почему бы и нет, — подумал я. — Хороший саженец, хорошая земля...»

СКАЖИТЕ, ДОКТОР...

РЕПОРТАЖ ИЗ ОПЕРАЦИОННОЙ № 3 ИНСТИТУТА СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТОЙ ХИРУРГИИ ИМЕНИ А. Н. БАКУЛЕВА

Ю. МАКАРОВ, А. РОЩИН

Нельзя сказать, что мы живем бездумно, но вряд ли каждый день мы думаем о том, что мир однажды может расколоться (в сознании кого-нибудь из нас) и разделиться на две половины: на больных и здоровых. И ты среди первых. И кажется тебе, что ты один такой, а все вокруг неуязвимые, как боги. Только там, в палате, обычное окно становится границей, разделительной полосой между тобой и деревьями на ветру, между тобой и запахом подстриженной травы, между тобой и голосами за... Теперь твой главный враг — беспомощность. У врага оружие — тяжелый белый потолок, а твое слабее — ожидание. Чего ты ждешь, такой беспомощный? Утреннего обхода. И своего такого личного вопроса:

— Скажите, доктор...

С утра во вторник доктор Семеновский готовил к операции больную, а вернее, готовил себя. Десятки раз делал он митральную комиссуротомию — простую операцию на сердце. Один из клапанов сужен и не может нормально работать. Хирург его должен расширить, раздвинуть створки клапана — дело минутное, если руки не ошибутся. Лишь тогда болезненно хрупкий клапан останется цел.

Семеновский вызвал ассистентов. Первым пришел доктор Зует, на нем была легкая летняя рубашка с расстегнутым воротником. Потом появился доктор Конди, спросил с порога: «Можно одеваться?» Семеновский кивнул и остался один в кабинете. Что он знал о своих ассистентах? Зует по-русски говорил неважно, в беседе часто виновато улыбался, зато в операционной преображался, понимал коллегу с полуслова. Доктор Конди из Гвинеи опыта имел поменьше, чем вьетнамский хирург Зует, но учеником тоже был внимательным и благодарным.

Откуда пришел к Зуету? С фронта.

«Это был самый тяжелый фронт, как ваш Сталинград. Пограничный район между Севером и Югом, Чи Тхиэн».

Профессор Цукерман, научный руководитель Зуета, сразу понял своего ученика, несмотря на языковой барьер. Потому что сам был фельдшером десантной роты.

— Я увидел его фотографию в форме, с наградами на стене в отделении. Там висели портреты фронтовиков. Это было в день вашей Победы, весной.

Когда Зует узнал об этом факте из биографии профессора, он подумал: «Теперь нам и работать вместе будет легче. Мы победили две войны. Нас должны объединять общие воспоминания, хотя наши судьбы из очень непохожих поколений и непохожих мест Земли».

У аспиранта из Вьетнама было три ордена Победы, но он их никогда не надевал. Вероятно, стеснялся или случая удобного не находил. Орденские удостоверения подписывал Зуету президент Хо Ши Мин. Между прочим, они земляки: доктор тоже родом из провинции Нге Тинх.

Уже потом, на Киевской, в доме Цукермана, Зует рассказывал профессору о своей первой военной операции.

— Оскольчатое ранение брюшной полости. Ну что вам объяснять, профессор, вы же знаете. Без стола, без ассистентов, на земле.

— Не на земле, конечно, на брезенте, — уточнил Григорий Иосифович.

В день простой операции на сердце — митральной комиссуротомии — профессор был в отъезде, но Зует легко мог представить Цукермана на своем месте, в операционной № 3. Сейчас он сам стоял в зеленом хирургическом костюме — свободная рубаха, штаны и бахилы — и руки в резиновых перчатках держал перед собой вверх ладонями.

— Лена, дайте доктору помыться, — сказал Семеновский и подумал: «Какой сегодня Зует серьезный. И где его обычная улыбка?» — Миша, снимите немножко дыхание (это уже анестезиологу). Дайте длинные ножницы (это сестре). Еще раз пинцет.

Под руками хирурга дышало живое сердце. И несмотря ни на что, именно сейчас оно уже не было беспомощным — ему шли на помощь.

Так началась для вьетнамского доктора последняя в Советском Союзе операция на сердце. Через неделю Зует улетал в Ханой, к жене и двухлетнему сыну Зиянг Аню, которого не видел еще ни разу. Надо сказать, что в этом городе у врача осталось много знакомых, всех он даже не помнил в лицо. За шесть лет на фронте было столько операций, и, конечно, хирург не всегда успевал запоминать лица.

— Может, солдат меня помнит, а я его нет. Иногда: «Здравствуйте, доктор», — говорят на улице, и я отвечаю: «Здравствуйте, как вы себя чувствуете?»

В операционной № 3 аппарат искусственного дыхания отсчитывал секунды в такт обнаженному сердцу. Шесть человек стояли над больной, и никто из них не имел права сбиться с этого ритма.

— Осторожнее, Зует... Миша, я сейчас буду входить в сердце. Последите за давлением.

Ну вот и все. Наступил этот миг не в первый раз для Семеновского, но впервые для больной. Сейчас одним движением он может (попробует, попытается) разрушить ту самую стену, за которой однажды остались деревья на ветру, газоны с запахом подстриженной травы, и дочь, и муж... Этот миг для нее наступил незаметно, сон был глубоким, анестезиолог Миша тихо гладил ее по голове.

— Внимание! Пробую пальцем, — объявил этот миг Семеновский. Хирург расширил пальцем суженный болезнью клапан сердца. Потом он отвел руку в сторону и устало сказал Михаилу: — Легкие начинайте раздувать.

Миша взял черную резиновую грушу, и легкие больной ритмично задышали.

Но до победы было далеко: пока всего лишь наступила передышка. Передышка в той последней для Зуета операции на сердце в Советском Союзе. Он понимал, что обязан запомнить, отпечатать в памяти, как на кинопленке, каждый кадр, каждое движение документального фильма под названием «Операция». Лет двадцать пять назад такой фильм мог появиться только в воображении кардиохирургов и только как научно-фантастический. Семеновский говорил, что до середины шестидесятых годов в кардиохирургии

никаких операций, кроме митральной комиссуротомии (расширения клапана), не существовало. А теперь операции даже на открытом сердце с использованием аппарата искусственного кровообращения делают ежедневно. В Москве, Ленинграде, Киеве, Риге, Вильнюсе, Фрунзе, Новосибирске... Всего у нас тридцать кардиоцентров. Операции из области клинического эксперимента стали обычной практикой.

А во Вьетнаме пока кардиохирургов мало. «По пальцам можно всех

пересчитать» — как сказал Зует. И вполне возможно, что Зуету предстоит первому из вьетнамских врачей делать операцию на открытом сердце. Привычка быть первым осталась в его характере с фронта (если вообще может быть такая привычка в характере, которая помогает человеку постоянно что-то начинать с нуля).

Там, на войне, никто не знал, что он мечтатель. О чем он мог мечтать по ночам, лежа с открытыми глазами на брошенных чужих циновках, в разбитых хижинах прифронтовых селений, где луна сквозь дыры в потолке накладывала желтый грим на лица спящих солдат, а новички во сне кричали?.. Он видел себя кардиохирургом, он видел клинику в Ханое, где много света и тишина такая чистая, как свет. И люди не боятся улыбаться друг другу при встрече, потому что часто состояние больного зависит и от настроения... Но разве можно думать о подобных вещах, когда вокруг тебя военное время. Однако именно эти мысли о сказочно тихом и мудром будущем помогали Зуету оперировать раненых, сутками простаивая у стола. На фронте он научился делать сложнейшие ампутации. Многие случаи встречались в его практике впервые. Но об этом никто не догадывался: улыбка спокойствия на лице военного хирурга заменяла раненым наркоз, которого в окопах не хватало. Улыбка врача в медсанбате во все времена была единственной надеждой для солдата. Это знал и фельдшер десантной роты Григорий Цукерман, и лейтенант вьетнамской армии Чань Конг Зует, мечтатель.

Его научная работа, диссертация на тему «Клиника, диагностика и хирургическое лечение миксомы (опухоли) левого предсердия» тоже была первой и в СССР и во Вьетнаме. За время работы над темой Зует под руководством доктора медицинских наук профессора Г. И. Цукермана наблюдал девятнадцать больных с опухолью левого предсердия.

— Два случая наблюдал в Ханое, а семнадцать — в бакулевском институте. Здесь я мог всегда подойти к самому директору, академику Бураковскому, попросить у него консультации. И он ни разу мне не отказал, хотя он такой занятой, академик...

Одновременно с Чань Конг Зуетом закончили диссертации москвич Иван Скопин, узбек Шираз Машарипов, армянин Карлен Галстян. А гвинеец Абубакар Конди продолжает свою научную работу в отделении хирургии приобретенных пороков сердца.

Доктор Семеновский, заместитель заведующего отделением, готовил аспирантов из разных стран: из Индии, Румынии, Гвинеи. И он считает: из какого бы государства ни приехал к нам человек, он обязательно получает главное — он впитывает дух бакулевского института, где день и ночь врачи дежурят, думают, рискуют. Как сказал Семеновский, «вкалывают». Понятно, что такую работу и диссертацию, и языковой барьер может выдержать, преодолеть только сильный. Так ответил хирург на наш вопрос о том, каким должен быть аспирант в институте имени А. Н. Бакулева.

В клинику на Ленинском проспекте приезжают специалисты из всех стран СЭВ. Здесь за тополями, в старинном здании первой градской больницы находится головная организация Совета Экономической Взаимопомощи по сотрудничеству в области разработки и усовершенствования методов хирургического лечения сердечно-сосудистых заболеваний. Третий год собираются сюда, как на командный пункт, все лучшие идеи современной кардиохирургии. Однако идеи не бродят сами по себе, стихийно по этажам большого института: они аккуратно вливаются в восемь запланированных тем сотрудничества. И текут в этих руслах к будущему, где их ждут. Одна из самых неотложных тем — лечение врожденных пороков сердца в раннем возрасте.

Но хирургия такая наука, где между теорией и практикой всего одна дверь — дверь операционной.

— Лена, дайте мне маленькие ножницы. Зует, затягивайте узел... — сказал Семеновский.

И этот его миг на сегодня, кажется, закончился. Ассистенты накладывали шов. От посторонних глаз под их руками постепенно скрывалось живое сердце. Зует запоминал его движения, чтобы они отпечатались в памяти как кинокадры. Очень скоро они ему пригодятся, эти знания, полученные в кабинетах и операционных старинного здания на Ленинском проспекте. И когда далеко от Москвы, во вьетнамской больнице, наступит его миг, пусть он скажет уверенно себе: «Внимание! Сейчас я буду входить в сердце».

Операция закончилась в двенадцать, они шли по коридору отделения, Семеновский и Зует. Михаил Львович в карманах халата искал сигареты. И навстречу им двигались двое — девочка и мужчина. Зует узнал их: дочь и муж больной из третьей операционной. Он видел их впервые, но сразу понял, кто это.

— Скажите, доктор... — начал мужчина, пряча взгляд от Семеновского.

— Пока порядок. Все. Идите, — ответил он как офицер солдату на плацу.

И Зуету как военному хирургу понравился этот ответ.

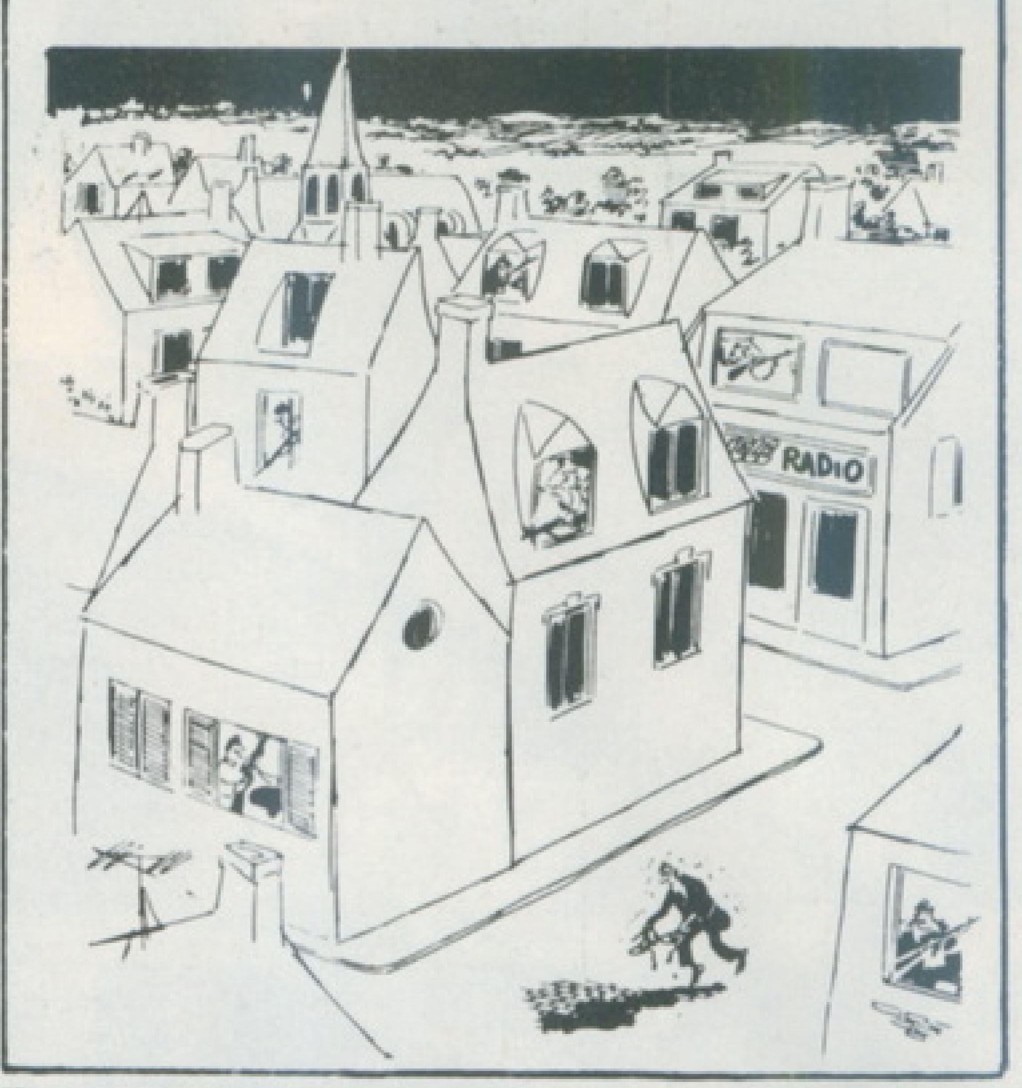

СЛУШАЯ ПЕСНЮ ЗЕМЛИ

В «Ровеснике» № 1 за 1979 год мы писали о первом перелете на воздушном шаре через Атлантику. В мае этого года участник того полета Макс Андерсон вместе с сыном Крисом впервые в истории пересекли на воздушном шаре Северную Америку. Перелет занял 100 часов. «Самая опасная часть путешествия была и самой прекрасной, — говорит Макс Андерсон. — Шар вдруг начал терять высоту. И когда до земли осталось всего 900 метров, мы вдруг услыхали все звуки нашей планеты: голоса людей, пение птиц, шум моторов... Это была песня Земли».

А ЧТО РИСУЮТ...

«Страх поселился на улицах городов», — утверждают карикатуристы из французского журнала «Пари-матч». Страх перед завтрашним днем, темнотой, бандитизмом, скрипом дверных петель и даже шорохом плаща при ходьбе. И, к сожалению, не скажешь, что у страха глаза велики.

И ПОЛУЧИТСЯ ТАНЕЦ

«Для меня Куба — символ красоты: у кубинцев прекрасные глаза, прекрасные волосы и шелковая кожа. И волны в Гаванской бухте сверкают на солнце так, будто в них купаются звезды». Эти гордые слова принадлежат звезде кубинского и мирового балета Алисии Алонсо. «Я счастливый человек, — говорит она. — Я чувствую, что делаю нужное дело — отдаю свое искусство молодым». На снимках: вверху — три поколения семьи Алонсо — Алисия, ее внук Иван и дочь Лаура; внизу — Алисия с молодыми танцорами Национального балета: «Вы должны верить в то, что хотите сказать танцем, только тогда получится Танец».

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ЛЕКЦИЯМ

Рольф Гесснер, 32-летний адвокат из Бремена, задумал прочитать в народном вечернем университете курс лекций о правах человека в ФРГ. Надо полагать, профессиональная практика привела Рольфа к определенным выводам на этот счет, раз свой курс он назвал «От правового государства к полицейскому государству». Он мог бы оперировать примерами увольнения учителей, почтальонов и других государственных служащих за левые убеждения, ссылаться на расширение полномочий репрессивного аппарата, жестокость полиции и т. д. Но жизнь сама позаботилась о том, чтобы подкинуть наглядные подтверждения его тезису. Так, «отцы города», предварительно ознакомившись с содержанием лекций, прислали в университет инспектора, чтобы тот своими ушами услышал крамолу и принял необходимые меры. Инспектор явился и увидел... то, что вы видите на этом снимке: самодельные намордники на лицах учителя и учеников. А несколько дней спустя учитель был избит полицией, когда пытался сфотографировать разгон антивоенной демонстрации. Обжаловав действия полиции, Рольф надеется получить новый наглядный материал для своих лекций, если ему еще придется их читать.

ИСКУССТВО НА СМ²

Перед вами две картины (Ван Гог «Сад поэта» — слева и Пикассо «Гимнаст со скрещенными на груди руками» — справа), которые в этом году получили особую известность. Нет, конечно, любители живописи знали эти картины давно, просто нынешняя известность этих полотен не имеет отношения к живописи. Работа Ван Гога стала в 1980 году абсолютным чемпионом всех аукционов, продающих предметы искусства. За астрономическую цену ее приобрел для своей коллекции автомобильный магнат Форд. Картина Пикассо тоже рекордсмен: ее рекорд — самая высокая цена за каждый квадратный сантиметр холста. Так по нынешним временам считается в порядке вещей оценивать вдохновение: на сантиметры.

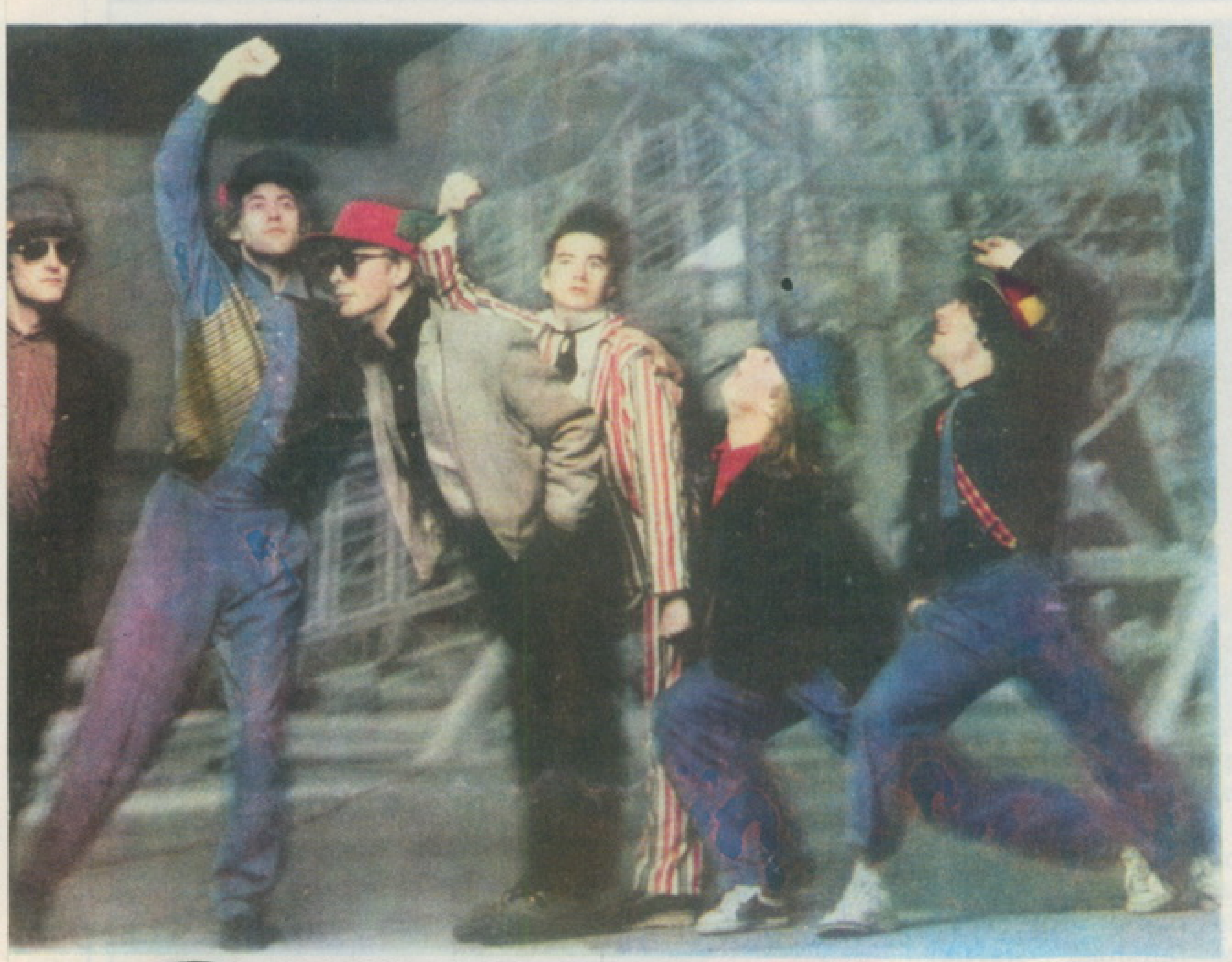
...ОН ВЕРИТ В ДОБРОТУ

Произведения Уильяма Сарояна хорошо знают и любят в Чехословакии, поэтому его приезд в Прагу по приглашению Союза писателей республики стал заметным культурным событием в жизни столицы. Первый визит Сарояна был в Карлов университет. Встреча со студентами началась не совсем обычно. Подчеркнуто комичным движением Сароян вынул изо рта жевательную резинку и сказал: «Я отложил Америку в сторону, и теперь мы можем начать наш разговор». Сароян говорил о влиянии художника на жизнь общества, на поступки человека. «Я всегда считал и считаю, что такое влияние существует, просто мы не отдаем себе отчета и не замечаем его». «Иногда я слышу, говорят, что Сароян недалекий человек: он верит в доброту людей. Я знаю о темных сторонах человеческой натуры. Но в свои семьдесят два года я верю еще сильнее, чем верил в двадцать, что человек добр от природы». — Этими словами Уильям Сароян закончил беседу со студентами Карлова университета.

О ПОЛЬЗЕ СТАТИСТИКИ

Международная статистика не обходит стороной центральноамериканскую республику Гватемалу. О жизни среднестатистического гватемальца известно немало... Что жизнь эта одна из самых коротких на континенте. Что каждый второй гватемалец старше 15 лет неграмотен, не имеет постоянной работы и постоянного жилья. Что два процента населения владеют 75 процентами земельных угодий, а 75 процентов населения обрабатывают эти угодья как батраки. Говорят, что лучше один раз увидеть... Н а с н и м к е: счастливая гватемальская семья: у нее свой дом, который тоже включен в статистические данные...

РЫНОК ДЛЯ «НОВОЙ ВОЛНЫ»

Роберт ПАЛМЕР
американский журналист

Отгремел хард-рок, увяли панки. На музыкальном рынке наступило затишье: музыкальное безвременье. И тогда-то, в конце семидесятых, появилась дискомузыка. Хитрый австралийский импресарио Роберт Стигвуд с помощью фильма «Лихорадка субботнего вечера» открыл ее для музыкальных болельщиков.

И вновь мгновенно ожил затихший было рынок. Казалось, что дискомузыка и станет именно тем Великим Новым, которого так жадно ждали. Год-два диско почти безраздельно владело радиоволнами и возглавляло таблицы популярности. Но поп-течения на то и поп-течения, что обречены на недолгую жизнь. Сейчас даже взлелеянные Стигвудом «Би Джиз» [1], которые написали и записали музыку к «Лихорадке субботнего вечера», уже не делают дископродукции — она не имеет спроса. Опять началось затишье: унылый коммерческий рок, средненькая поп-музыка и случайно затесавшиеся хард-роковые хиты. И снова рынок замер в ожидании следующего Великого Новенького.

И явилась «новая волна»: «Блонди», «Нэк», «Токин Хэдз», «Бумтаун Рэтс», Элвис Костелло («Рэтс» и Костелло вы видите на снимках. — **Ред.**), Джо Джексон — теперь их награждают «золотыми» и «платиновыми» дисками. Их короткие, жесткие, но мелодичные песни под перезвон гитар, насыщенный, взрывной и вполне танцевальный ритм стали вытеснять из радиопрограмм диско: устав от однообразия и вывертов дискомузыки и капризов признанных рок-звезд, чуткие к колебаниям рынка диск-жокеи ухватились за незамысловатую, без претензий музыку «новой волны».

Вообще-то словосочетание «новая волна» отнюдь не означает, что все представители ее выражают одно какое-то направление. Под этой довольно смутной рубрикой работают такие разные музыканты, как американская группа «Блонди», создающая мелодичный, крепко сделанный поп-рок; английская «Клэш», в чьем репертуаре много песен о безработице, о расизме. Здесь же «Нэк», поющие о симпатичных девушках, их музыка напоминает музыку ранних «Битлз». И что, в конце концов, у них общего со столь же популярными «Карз», в чьих записях отражены все достижения, но, увы... электроники?

В музыкальном отношении все они весьма различны. Но, например, в шестидесятые годы Англия дала миру столь разные в музыкальном отношении группы, как «Битлз», «Роллинг Стоунз», «Кинкс», «Херман'з Хермитс», и тем не менее мы говорим о них обо всех как о «феномене шестидесятых». Представители «новой волны» объединены возрастом — всем им под двадцать или чуть больше двадцати (в то время как признанным рок-звездам уже за тридцать или даже больше). У них общие взгляды на то, как должен звучать рок и как его надо делать.

Музыканты «новой волны» не поют длинных песен, прерываемых пространными импровизациями инструменталистов. Почти все они считают, что песня должна быть короткой и «бить в точку» без помощи студийных трюков и насыщенной инструментовки. Музыканты «новой волны» с неуважением относятся к практике старших суперзвезд, таких, как Стиви Вандер, «Иглз», «Флитвуд Мэк», которые тратили на создание очередного альбома от года до двух лет, молодые считают, что их песни должны быть откликами на события дня. К тому же длительная работа в студии удорожает и запись альбома. (Запись некоторых альбомов стоила по пятьсот и более тысяч долларов. А первая долгоиграющая пластинка «Нэк», ставшая «платиновой», записывалась в течение нескольких недель и обошлась студии в пятьдесят тысяч.)

Естественно, что фирмы грамзаписи холят и лелеют представителей «новой волны», даже тех, чья художественная ценность весьма сомнительна: запись их дешева, а цены на пластинки сейчас повсеместно выросли. Выгодно, что и говорить. И рок-фэны по обе стороны Атлантики просто голову потеряли от сыплющегося на них огромного количества новых имен, среди которых есть и вполне оригинальные музыканты: тот же Костелло, «Токин Хэдз», «Полис», Лауи. Но политика фирм грамзаписи «числом поболее — ценою подешевле» может привести к тому, что эти музыканты окажутся захлестнутыми своей же «новой волной».

Пока еще нельзя сказать, что «новая волна» может стать таким же заметным явлением, как рок-н-ролл пятидесятых, «Битлз» начала шестидесятых, «Роллинг Стоунз» и хард-рок конца шестидесятых и начала прошедшего десятилетия. Тогда, с рок-н-ролла, и начался бум на музыкальном рынке. Теперь, набравшись опыта, рынок сам управляет музыкальными волнами.

Перевела с английского Н. ТУМАНСИНА

---

[1] *О Роберте Стигвуде и группе «Би Джиз» мы рассказывали в № 3/79. — Примеч. ред.*

— Вот... к примеру. Венгерский кабачок, и играют там скрипачи. Скрипачи играют, а посетители заняты едой, хотя каждый и сознает: для меня играют эти скрипачи. Их не слушают, слышат вполуха, а скрипачи это видят.

— Вдруг они как бы подмигивают друг другу: один подошел к другому со скрипкой и, наигрывая мотивчик, улыбнулся, и тот понял, усмехнулся. И заговор. И зазвучало что-то невообразимое, жутко заводное, лихое. Что-то такое!

— Чудеса начинаются, и понятно, что скрипачи играют для себя, они сейчас АРТИСТЫ, у них свой праздник.

— Все побросали еду, замерли, будто вдруг услышали музыку. И звучит она для всех в этом зале. Одна музыка... Скрипач проходит между столиков...

— Так бывает и у нас, когда вдруг как сговоримся, как будто подмигнем друг другу: мол, давай, вперед!

— И чувствуем, что мы одно целое.

— Духовность. Какие там еще слова?

Это фрагмент записи разговора выпускников ГИТИСа, студентов курса, который вел народный артист РСФСР Олег Табаков, объединенных в студию. Недавно артисты побывали на гастролях в Венгрии. Спектакли имели большой успех у венгерских зрителей. Это событие — повод рассказать о них. Мы предложили ребятам поделиться впечатлениями о... себе. Каждый из них в начале творческого пути, актеры молоды, но у них есть уже свой зритель. Значит, студия для молодых актеров обязательно должна была стать еще и жизненной школой. Следовательно, они уже сейчас имеют право рассуждать о многих проблемах жизни и творчества, право судить.

Участников разговора четверо:

Александр МАРИН: История человечества ведь идет к тому, что мы постепенно все прозреваем. Мы становимся все более духовными...

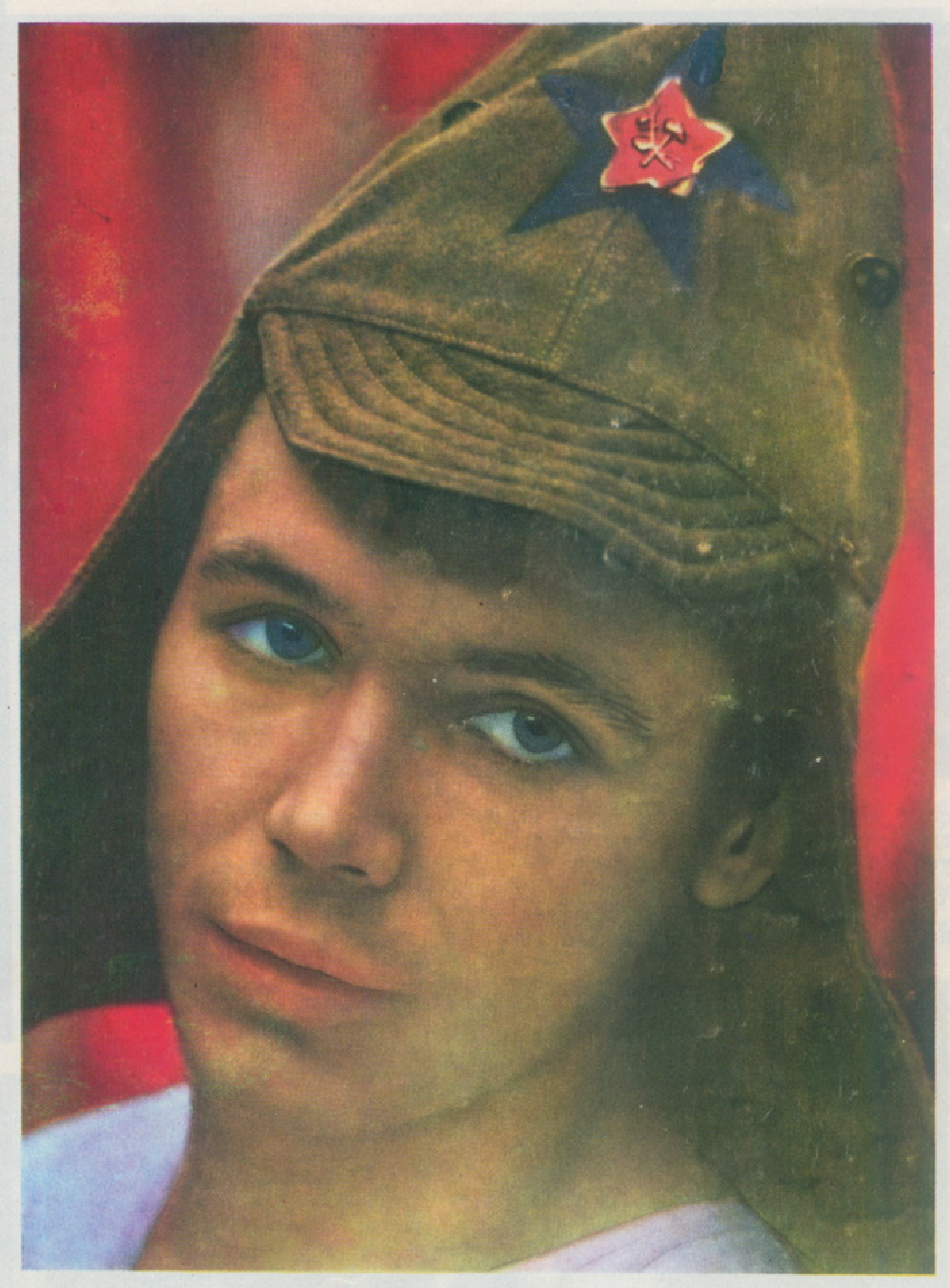
Виктор НИКИТИН: ...но человек, бывает, замыкается в себе, боится что-то начинать, боится «замахнуться»...

Сергей ГАЗАРОВ: Если ты хотя бы день живешь ровно, что-то из души уходит. В конце концов, тебе не о чем будет говорить.

Андрей СМЕЛЯКОВ: Шукшин сохранил свою индивидуальность, потому что сохранил себя, свое «я». Человек искренним должен быть, чистым.

А мы, их зрители, пешком шли от метро, и в подворотню свернули, и топтались у входа, пока нас не пригласили — нет кассы, и билетов нет, и билетера у театрального блестящего подъезда, и подъезда нет, есть лестница в подвал — по лестнице спустились, сели на скамейки и несколько минут ждали начала. А эти несколько минут ожидания и есть начало — действие уже идет. Скамейки окружали освещенный пятачок. Куртки висели у входа. Действие началось.)

СКРИПАЧ СО СКРИПКОЙ ПРОХОДИТ МЕЖДУ СТОЛИКОВ ИГРАЯ...

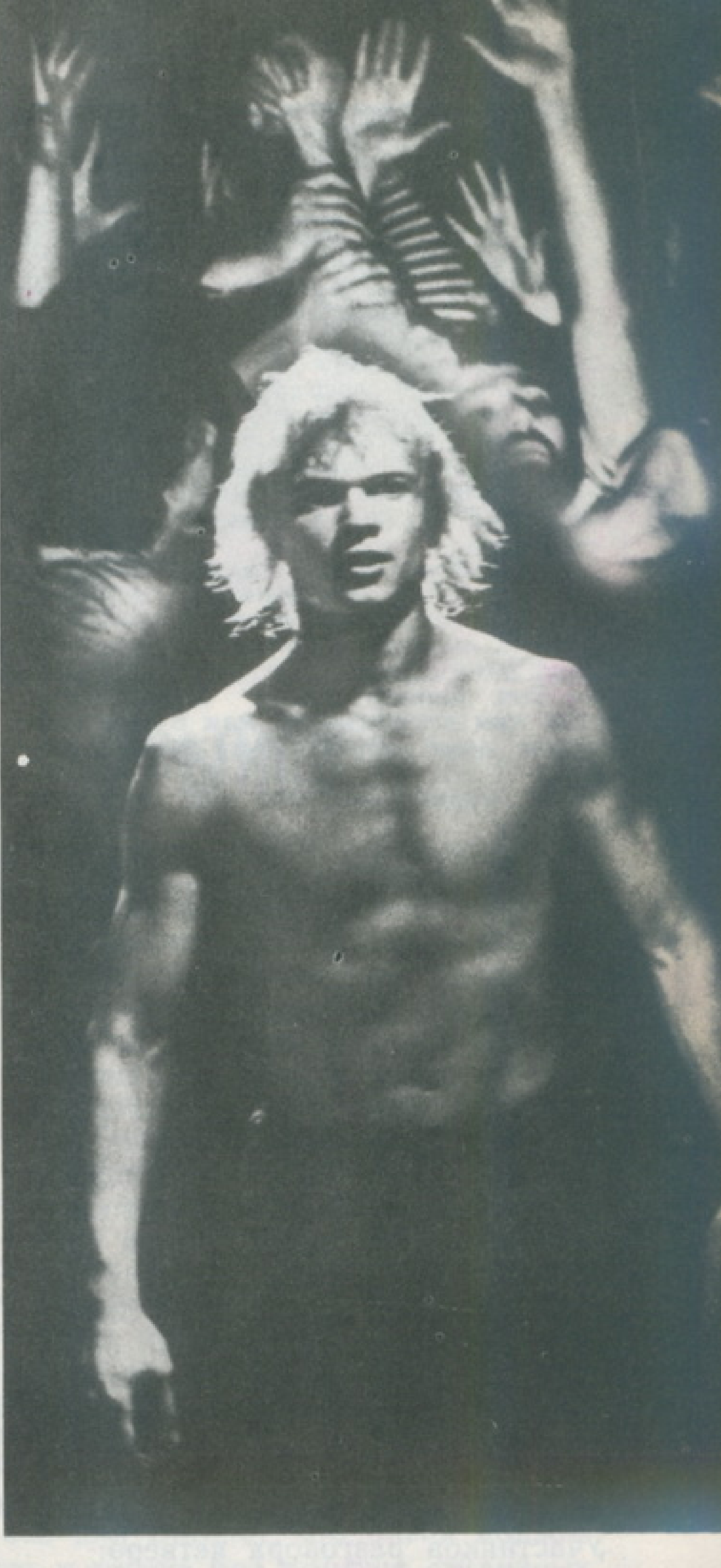

«ТЫ ВЕРЕН ВЕСЬ ОДНОЙ СТРУНЕ...»

— В «Маугли» у нас есть момент. Мы стоим лицом к зрителю, пританцовываем и напеваем «Мы с тобой одной крови — ты и я». В Будапеште — не знаю, чья это была мысль, кого из режиссеров, — в зрительном зале вдруг вспыхнул свет. Тихонько так... вспыхнул свет. Получилось, что мы объединены с залом. Мы видим зрителей, они видят нас, и мы в лицо им говорим: мы с тобой одной крови — ты и я. Это было потрясающе — глаза сидящих в зале, которые понимали, о чем мы говорим. Не было между нами никаких перегородок, никакого барьера.

— Табаков сам говорил перед поездкой: вы не старайтесь поразить, но играйте, как играете всегда.

— После спектакля мы стали обниматься и танцевать от счастья. Но Табаков сказал: «Конечно, вы не смогли сделать всего, что предполагает спектакль (у «Маугли» есть эталон — как мы играем на взлете

сил). Но, — сказал Табаков, — вы сделали все возможное в данных условиях, здесь, на незнакомой сцене».

— Одна девушка из их театральной школы сказала: «После вас мотрясало единение. Они были вместе: «Мы — команда».

— Духовность. Какие там есть еще слова? Тогда это и есть театр.

— Тогда это передастся зрителю. Когда есть духовная общность. Это

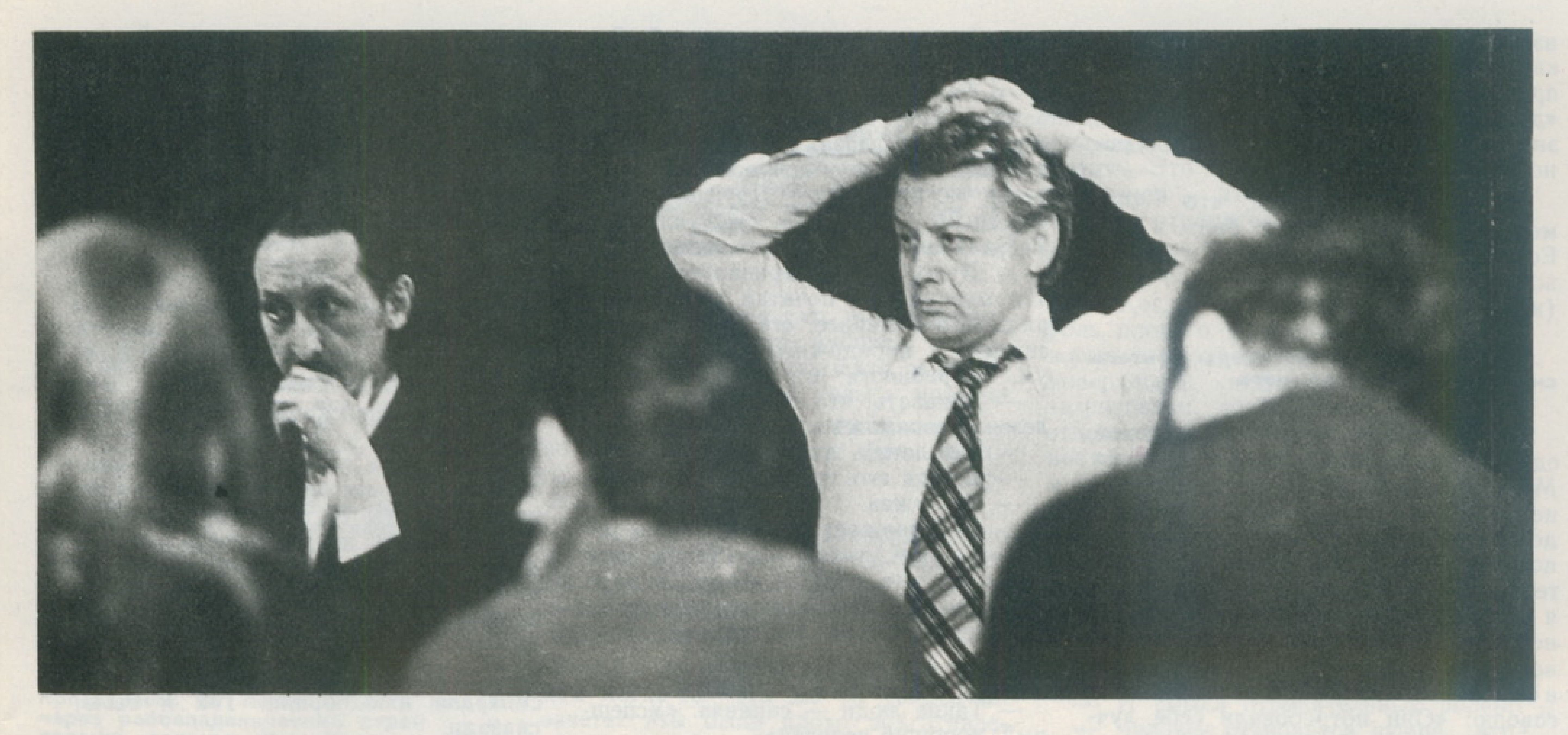

да пойдет в Венгрии — под «Маугли». Аплодисменты были особенные.

— Дело не в аплодисментах. Когда мы объединены, когда в нас есть момент... общего подъема.

— Что потрясало в первых спектаклях «Современника»? Я, правда, не видел, но рассказывали, что поодна из тех истин, в которые мы твердо верим. Либо ты пытаешься прожить до конца, пытаешься всеми силами, изматываешься, либо тебе не поверят и ВСЕМ СТАНЕТ СКУЧНО.

— Прежде всего, чего мы хотим? Мы мечтаем о Театре. Мы хотим выявить на театре актера. Актера как личность с его жизненным опытом, с

его духовным опытом, с его внутренней жизнью, с его личными проблемами — со всем, во что он верит, против чего восстает, против чего борется.

— С другой стороны, профессия актера легко девальвируется. Играть «неплохие» роли хорошо, но этого мало. То, что актер делает на сцене, должно быть смыслом его жизни.

— Без этого сколько бы в спектакле ни было света, музыки — всяких прикрытий, за которыми легко спрятаться...

—... становится скучно смотреть.

— Ну не всегда скучно. Есть люди, которым это нравится.

— Безусловно. Есть примеры. Но нет в этом главного...

— Главное — вопрос веры, конечно.

— Как говорил Немирович-Данченко, придет время, выйдут два актера на сцену, постелют коврик, и начнется это чудо, именуемое театром. Коврик! И никто не гонится за усложнениями, декорациями. Главное, играть «по-живому». Значит, про сегодня, значит, мы. Когда в Венгрии приходили на наши спектакли, то видели веревки какие-то, скамейки. Что это такое, почему беспорядок? Некрасиво! А когда мы выходили, то думаю, что их интерес обращался на другое: люди. Если говорить о «Маугли»: спектакль о зверях? О силе природы? О том, какие мы ловкие? Тренинг, концерт, акробаты? Все это, я так думаю, форма спектакля, ход. Но когда я выхожу, я говорю сам себе: ну теперь посмотри сам, какие мы!

— Помню, как давно, на первых спектаклях, мы перед выходом собирались в нашей комнате, в дальней комнатушке и брали друг друга за руки, чтобы передать друг другу нашу энергию.

— И в Венгрии мы острее почувствовали, что мы вместе. Потому что там мы — это и мы, и вся страна.

— Люблю все наши спектакли. Потому что видел, как они делаются. Может быть, у меня необъективный

взгляд. У нас в студии система такая: приходит педагог — давайте прочтем пьесу. Нравится? Говорим «да», делаем. Нет — нет. Не поняли, значит, что-то не про нас. Хорошая, но не про нас.

— Надо договориться, что «про меня»? Но ведь может быть и так. Если меня (нас) ничего не мучает в жизни, то и нету ничего «про меня (нас)».

— Если про меня, тогда зритель сидит и видит: про него.

— Поколение у нас одинаковое, одно. Мы в одной полосе живем. Может быть, вот это что-то, он еще не знал, что, может его волновать, должно волновать. А я ему говорю: посмотри вот в эту сторону, там про тебя и меня. Когда в «Двух стрелах» я говорю Ушастому: «Уходи, здесь нет справедливости», я ведь не говорю: «Уходи, здесь, в каменном веке, нет справедливости». Или я говорю: «Они потребовали себе лучших костров». Лучшие костры, лучшие куски — это что, каменный век? Это наш век и огромный мир, в котором много несправедливости, неважно, далеко это от нас или близко.

— Я однажды шел по улице и видел сцену: человек говорил сам с собой: «Ну нет, мы вам Брест не отдадим, давай, Ваня, чуть-чуть осталось, дотянем, у нас ведь еще вода есть?» Я смотрю на него. То, что это выглядит странно, это ничего, это ничего...

— Странные вещи происходят в «Маугли». Сначала «мы с тобой одной крови», а потом прогоняют Маугли. В «Островском»[1] мне просто за Павку обидно. Человек говорит: «Я хочу строить, строить эту страну, не хочу компромиссов», а мой герой — я играю обывателя — его не понимает и никогда не поймет. В «Островском» мне сильно повезло играть обывателя, которого я ненавижу. Он сидит у себя всю войну: эти приходили, те, власть менялась. Потом Советы пришли и вроде не уходят. Долго сидит: может, навсегда? Так и прожил. Потом почти что сходит с ума: сидит на диване, читает Маяковского, потому что нужно читать Маяковского, и говорит: «Ну подождите, кто-нибудь да придет». И вдруг встает и говорит: «Давайте это...» Как он говорит?

«...Защитим Петроград от Юденича! Ура!»

— Дошел человек. Это путь обывателя. Несчастные люди. Он еще говорит: «А жить когда? Жить хочется». Диван, на котором он сидит, этот диван находится «между».

— Человек может всю жизнь твердить о своих убеждениях и прожить жизнь, сидя на таком диване.

— Такой всем свой. И нашим и вашим. Нос по ветру. Все делает «честно», на глазах, «честно» спорит, доказывает. Вдруг почувствовал перемены — примкнул. Другим будет «честным». Этот тип стал сложнее. Увертливее. Живучий, защищенный.

— Душу и тело тренирует. Накачал мускулы — почитал книгу. «Порядочный»! Вернее, его можно легко спутать с порядочным. Но замашки, ум, потребности его выдают.

— Доказать, что такой человек полезен, невозможно. Он вреден.

— Его лечить или бить надо.

— В чем его вред? Он не нужен.

— Не нужен.

— Он заражает других. Жена, которая с ним, такой же станет, дети такими будут, если не убегут. В поле.

— Сначала они никогда не разобьют стекло, потом никогда не будут драться, защищая девушку.

— Такие люди — саранча. «Успешный хороший человек».

— Успех его может быть чисто формальным, неглубоким. Только всегда успех для себя.

— Нормальный человек может этим заболеть. Успех, например, он ведь очень опасен. Один ма-ленький успех! В театре, например, в кино. «На меня смотрели и мне хлопали».

— В актерском мире это просто болезнь.

— Если запустить, будет поздно. Надо чтобы сразу кто-то подзатыльник дал.

— Вот в газетах пишут: «Маугли» хвалят. Тогда иду к людям, которым, заранее знаю, спектакль не нравится. Мне наговорят всякого — отлично, надо работать!

— Человек сам может справиться, если он может на себя смотреть со стороны, контролировать себя.

— Табаков нам всегда хорошо «давал по мозгам». Теперь большинство может себя трезво оценивать. Этим держимся. Он в нас это воспитал.

— Инстинкт самосохранения, как говорит Табаков.

— В хорошем смысле выжить.

— Как пианист: если пропустит день...

— Если ты хотя бы день живешь ровно, то что-то из души уходит, одна, допустим, проблема, другая. В конце концов, ничего не останется, тебе не о чем будет говорить, и ты будешь халтурить.

— Шукшин об этом писал. Он сам сохранил индивидуальность в рассказах, потому что сохранил себя, свое «я», такое доброе, душевное, настоящее, искреннее... ЧЕЛОВЕК ИСКРЕННИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ, ЧИСТЫМ.

— Возьмем Островского. Наш Островский — наше мнение. Про нас.

— В нем выражена гражданская позиция. То, во что мы верим.

— У нас Островский мучается, несчастлив. Он терзается множеством проблем. Почему уходят, меняются друзья? Надо ненавидеть плохое, бороться не сдаваясь. «За хорошее народ ругать не будет, надо говорить о плохом» — так говорит Корчагин и Островский. В этом ключ к спектаклю.

— Это ведь только обыватель проповедует лозунг «Не высовываться!».

— ...«Милое дело, молчать надо и не высовываться некстати». Это я говорю в «Островском».

— В «Островском» этот диван стоит близко к зрителям (на котором обыватель переживает смену властей). И вот когда спектакль посмотрели студенты театральной школы из ГДР, то один потом сказал, что ему хотелось в конце бежать прочь от этого дивана, ближе к Островскому встать. То есть он почувствовал, что должен выбирать.

— И старые большевики спектакль смотрели и одобрили. Так и было, сказали.

— Мы предлагаем зрителю увидеть, понять, что жизнь (как в спектакле) предлагает выбирать. Выбирать ежеминутно и выбрать однажды и на всю жизнь. Но неспроста ближе к зрителю диван. Как предостережение, как опасность.

— Мне кажется ...я попробую сформулировать. Наша цель: показать человеку, что он лучше, чем...

— Лучше, чем на самом деле!

— Лучше, чем он о себе думает.

— Хочется сделать спектакль, который полностью зависел бы от нашего духовного единства, весь держался бы на нашей вере в одно, общее.

— Который всегда был бы таким, потому что таким сделан, и, если нарушится связь на секунду, если изменятся какие-то взаимоотношения, кто-то перестанет верить, охладеет душой или устанет, спектакль погибнет, он уже не будет иметь смысла.

— Так мы пытались сделать «Фауста». Это наша самостоятельная работа, необходимая для нас (иначе мы перестанем развиваться и станем исполнителями), это эксперимент. Сама вещь ведь о духовности, о попытке найти эту духовность. О попытке человека. К чему человек стремится всегда. (Однажды испытав миг истины, человек стремится к повторению его. Человек ошибается, обманывается. Он принимает несущественное за важное, но совесть его не успокоится. Совесть его будет всю жизнь твердить ему об одном.)

— В «Двух стрелах» речь тоже идет об этом. И в «Островском». Но у Гёте это впрямую — проблема существования человека. Нас тоже мучит эта мысль...

— ЧЕЛОВЕК НЕ МОЖЕТ ЖИТЬ, НИКОМУ НЕ ПРИНОСЯ ДОБРА. Человек — это бесконечность. Бесконечность, о которой он сам не знает. Бесконечность сил, духовных запасов. Когда человек это понимает по-настоящему, он всесилен. Он способен совершить грандиозные поступки. Перед ним нет препятствий...

— Но, бывает, человек замыкает-

[1] *Спектакль «...И с весной я вернусь к тебе...» о Николае Островском. Пьеса А. Казанцева.*

ся в себе, боится что-то начинать, он боится «замахнуться» на что-то. Он только сам с собой.)

— ...и он будет всесилен и обогатит мир! Сознание своей силы не дает человеку права не использовать эту силу в добрых целях. Это черная магия — он будет наказан. А если он использует свои силы на добро, тогда у него прибавляется сил, и он может идти бесконечно по этому пути. В Фаусте есть стремление к этому, он сам говорит о себе Вагнеру:

— Ты верен весь одной струне, но не задет другим недугом, но две души живут во мне. И обе не в ладах друг с другом. Одна, как жар любви, пылка и жадно льнет к земле всецело. Другая вся за облака так и рванулась бы из тела.

— Для нас тема «Фауста»: ценой поражения одного, который стремится к гармонии, но не может этого достичь, который гибнет на пороге истины (Фауст), прозревает другой (Мефистофель), который ощущает этот миг впервые. Он второй Фауст — ему предстоит такой же, может быть, более сложный путь. Возможно, столь же гибельный путь, но это новая ступень — и так бесконечно. История человечества ведь идет к тому, что мы постепенно все прозреваем. От первобытных людей через рабовладельческий строй — и дальше, дальше. Мы становимся все более духовными. В «Фаусте» выражено стремление всего человечества к высшему мигу. В спектакле мы хотим, чтобы зритель прошел вместе с Фаустом и Мефистофелем этот путь.

— Кому-то путь Фауста может показаться безысходным. Но это не так. Этот путь все вперед и выше, вперед и выше. Каждый спектакль должен быть попыткой подтолкнуть зрителя... Зритель должен сидеть и мучиться, и думать, и ощущать. Он должен устать не меньше, чем актер, для него это тоже должна быть работа.

— ...Человеку свойственно остывать душой. Но это свойственно человеку, который... Не всякому человеку это свойственно, кстати говоря!

— ...Табаков всегда сидел в зале. Приятно было знать, что там, в зале, сидит свой человек.

— Он в это время ставил в Венгрии «Ревизора», но находил время приезжать и смотреть, как тут мы.

— Вот удивительная его черта! Он вездесущ. Он как черт успевает везде! Его увидишь на афише кино и по телевизору. Он у себя в театре и уже пришел в студию и новости принес какие-то.

— В Вологде у нас с ним был один неприятный случай. Ели из общего котла — накладывали кашу, кто-то пришел позже, и тому не досталось. Конечно, поделились. Но для Табакова это был страшный эпизод. Мы никогда не думали, что он может так завестись. Он разволновался, говорил: как это не по-человечески! Потом долго вспоминал. Он такие вещи долго помнит.

— Жлобства не мог простить нашего.

— А как он говорит: ну вы же видите, что спектакль рушится на ваших глазах, подхватывайте, выносите его на себе как только можете!

— У него есть его собственное слово — «каботинство» от французского. Смысл такой, что это премьерство. Этого не выносит.

— Сразу при всех обнаружит. Но не осрамит, а так, шуткой лажанет. Но я-то знаю, эти два слова обращены лично ко мне. Он дает понять. Я понимаю его.

— Он смотрел наш зачет по танцам когда-то. Что же он увидел на зачете? Мы были плохо подготовлены, но были и такие, что хорошо. Они во время танца успевали как-то подсказать. Он это заметил и похвалил. А за общую неподготовленность ругал.

— Да, был у нас и момент «звездной болезни». Тогда нам педагоги и Табаков сказали: что ж, придется расстаться, может быть; вы плохо занимаетесь в институте. Ужас такой был.

— ...Если человек на минуту предаст искусство, если у него хотя бы мысль мелькнет использовать свое искусство в корыстных целях, он станет сразу гонителем искусства.

— Потребителем?

— Нет, г о н и т е л е м! Маленькая трещинка станет пропастью, в которую уже падает человек. Как художник Чертков (как интересно было бы поставить гоголевский «Портрет». В нем наши мысли, продолжение).

— Нужно обратить глаза внутрь себя и очень внимательно там покопаться. Найти какую-то маленькую, самую малозаметную черточку, которая схожа чем-то с главной чертой этого героя. С тем главным, чем мучается этот герой. Эту самую черточку возбудить в себе. Развить до таких масштабов неимоверных, поднять на самую-самую эмоционально большую высоту, чтобы себя этим заразить. Это пример мускульных усилий души — что надо сделать, чтобы создать отрицательный образ. Потому что мы каждый персонаж должны, конечно, оправдывать.

— Когда мы играем, допустим, роль плохого человека, когда мы выносим его отрицательную черту на поверхность, когда мы настолько его затрагиваем, когда мы настолько ей отдаемся, то мы показываем ее, даем понять, что это может быть н а с а м о м д е л е. В этом мы можем быть некрасивы, можем быть ужасны, но м ы о с в о б о ж д а е м с е б я о т э т о й г р я з и. Мы делаем это публично, при зрителях, которые нас любят, которые видят и воспринимают. Мы очищаемся. И зритель. В этом смысл театра.

— И смысл отрицательных ролей!

— Человек становится лучше, это как покаяние при всех в своей собственной неправоте, в своем собственном задавленном дурном желании, которое, скажем, у него есть. Он публично выносит его на суд окружающих людей.

— Искренне ли говорить, что мое главное желание — счастье всего человечества, когда на самом деле это жажда денег или желание удовлетворить свое самолюбие? Как в фильме «Сталкер» — сбудется только искреннее желание. А то, что я там публично умолял дать счастье человечеству... Мои помыслы настолько ли чисты, и что окажется моим желанием, которое не вертится на языке, а является потаенным, где-то запрятанным?

— Совсем не значит, что такие мысли волнуют все человечество.

— Человек должен заставить себя об этом думать! Думать не на грани жизни и смерти и не только в «секунды просветления».

— Если у нас получится, пусть он подумает на нашем спектакле.

— Да, но мы сами еще такие темные люди... По сравнению с тем, что там!

Записала
Нина ЧУГУНОВА

АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ ШУМСКИЙ

«Ровесник» сообщает своим читателям о смерти Александра Шумского — редактора отдела журнала. Для тех, кто когда-либо работал вместе с Сашей Шумским в «Московском комсомольце», «Комсомольской правде», «Ровеснике», — для читателей, знающих Александра Шумского по его репортажам, очеркам, статьям, для всех нас будет дорога память о человеке, сумевшем в молодые годы так хорошо выразить себя, найти себя в жизни, в работе.

У Саши Шумского было очень много планов, и он умел легко, весело и красиво выполнять их. Был запланирован в этом номере репортаж, который вы читаете сегодня. Осталось многое, что ему не удалось осуществить...

Перед вами несколько картин с постоянно действующей выставки «Время — Пространство — Человек». В ее фондах хранятся сотни работ самодеятельных и профессиональных художников из СССР и других социалистических стран, присланных на международные художественные конкурсы научной и космической фантастики, которые с середины 60-х годов проводит журнал «Техника — молодежи». В этой экспозиции также представлены произведения художников из творческой группы «Интеркосмос», которая была организована Союзом художников СССР в 1976 году.

В. БАЙДИН

А. ЛОПАТНИКОВ (СССР). Полдень.
М. БУТЕМЖ (Монголия). Космос.
ЯН МИКЕШ (Чехословакия). Содружество.
ДИМИТР ЯНКОВ (Болгария). На звездной дороге.
ПАБЛО ТОСКАНО (Куба). Параллельный мир.

Индекс 70781
Цена 25 коп.